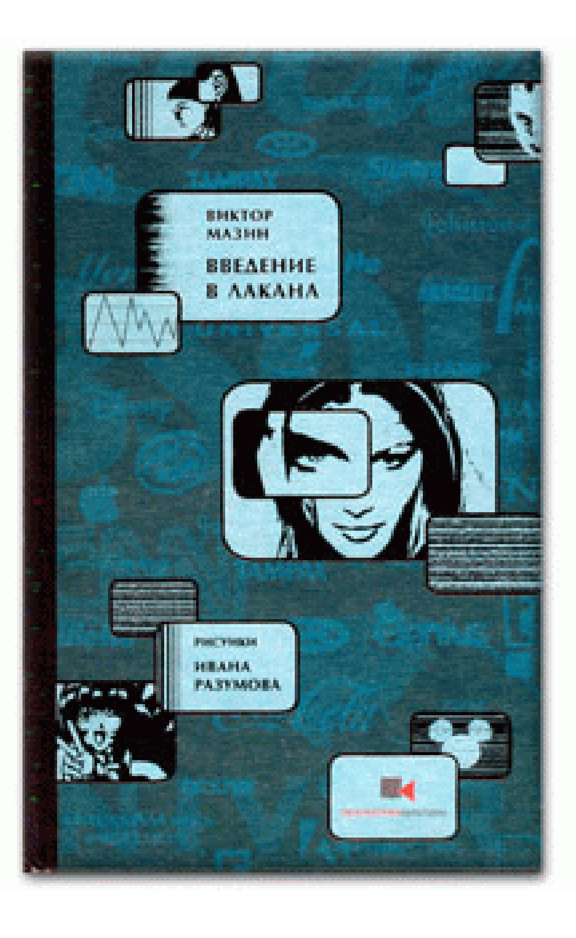

ВИКТОР
МАЗИН
ВВЕДЕНИЕ
В ЛАКАНА
РИСУНКИ
ИВАНА
РАЗУМОВА

Виктор Аронович Мазин
Введение в Лакана

http://fictionbook.ru
Мазин В.А. Введение в Лакана: Фонд научных исследований «Прагматика культуры»; Москва; 2004
ISBN 5-98392-005-7

Аннотация

Эта книга – введение в дисциплину Великого и Ужасного Волшебника, Наследника и Реформатора Фрейда, Друга Якобсона и Леви-Строса, Последователя Сократа и Спинозы, Западного Мастера Дзен и Самого Темного Мыслителя, Отца Постсовременного Дискурса и Теоретика Эха Мысли, Психоаналитика Жака Лакана.

Книга известного психоаналитика и теоретика культуры Виктора Мазина в доступной форме вводит в творческое наследие выдающегося французского мыслителя, основателя «Фрейдовской школы» Жака Лакана (1901-1981).

Адресована широкому кругу читателей, интересующихся психоанализом и историей культуры.

Содержание

ПРОЛОГ

ВОТ НАИБОЛЕЕ ПОЛНАЯ КАРТИНА БРЕДА И ГАЛЛЮЦИНАЦИЙ

Короткие рассказы этой небольшой книги представляют собой введение в теории Жака Лакана, можно сказать, самого знаменитого психоаналитика после Фрейда, мыслителя, на которого сегодня, в начале XXI века ссылаются философы и кинокритики, психиатры и культурологи, социологи и этнологи. После Фрейда лишь Лакану удалось вызвать подобное уважение, такую же страстную любовь и ненависть окружающих. В психоаналитической среде со времен Фрейда только Лакан стал объектом Великого Переноса.

Эта книга – введение в его учение. В течение многих десятилетий творческой деятельности Лакан разрабатывает различные теории душевной жизни человека. В этой книге рассматриваются только те из них, которые представляются необходимыми для предстоящего погружения в «Лакана». Однако дело не только в том, что теорий много, но также и в том, что практически каждая из них безгранична, в том числе и в разносторонних отношениях с другими теориями. Формат введения предполагает насильственное ограничение распутывания этих самых отношений.

Подобно Фрейду, Лакан постоянно возвращается к одним и тем же вопросам, пересматривает их и перестраивает свои конструкции. Так что рассказы этой книги должны представить движение мысли, эволюцию взглядов. Причем, эволюция эта отнюдь не представляет собой поступательного, хронологическо-

го развития от простого к сложному, от непонятного к понятному. Вот проблема: невозможно одновременно вывести на сцену все понятия. Появившийся термин зачастую проясняется лишь после своего появления, задним числом, на последующих страницах.

Кроме того, как и у Фрейда, у Лакана движение мысли не останавливается, не устанавливает однозначность того или иного понятия, той или иной теории. Каждое понятие определяется не четкими дефинициями, но отношениями с другими понятиями, историями концептуального пересмотра. Каждая теория меняется в зависимости от ее отношений с другими теориями. Каждый термин зависит от точки зрения интерпретатора.

Ловушка, которая стоит на пути «Введения», – хорошо известная непроницаемость и загадочность языка Лакана. Как найти «доступный» для введения язык, который сохранил бы верность лакановской мысли? Мысли противоречивой, подвижной, небюрократизируемой. Мысли, подобно коанам дзен-буддизма, заставляющей читателя находить свой ответ – свой первый семинар Лакан открывает словами: мэтр может прервать молчание чем угодно – сарказмом или пинком ноги. Мысли, которая вопреки и в силу своей герметичности стала ходовым продуктом психического потребления. Лакан, говоря о своей диссертации, утверждал: хватило десяти лет, чтобы написанное стало ясным для всех. Но что значит «ясным»?

Зачастую мысль Лакана подчиняется бессознательной логике, паралогике, не знающей противоречий. Кажущаяся бессвязность оказывается весьма хорошо связанной. Кажущийся бред предельно систематизированным. Значения возникают на стыке слов, фраз; и чтение Лакана требует особого внимания к пространству между ними. Лакан активно прибегает к следам, оставленным работой бессознательного – оговоркам, шуткам, остротам. Если Фрейд сломал представление о субъекте как о целостном разумном существе, то, как еще Лакану говорить об этом расщепленном, разнородном субъекте? Неужели на языке формальной логики? Лакан зачастую как будто предается свободным ассоциациям, неудержимому полету поэтической мысли. Но ведь в этом и раскрывается язык психоанализа, приближающийся порой к психотическому. В этом верность Лакана Фрейду. В этом программа его психоанализа под эгидой «Возврата к Фрейду».

Еще одна особенность письма Лакана состоит в том, что он не ограничивает себя чтением Фрейда; и, вслед за ним, «Введение» поворачивается к Якобсону и Леви-Стросу, де Соссюру и Хайдеггеру, Бенвенисту и Валлону. Лакан настойчиво обращается к самым разным областям знания, пограничным с психоанализом – лингвистике и математике, кибернетике и этике, эстетике и оптике. Неминуемым вопросом становится вопрос о границах психоанализа. Лакан пребывает в со-

стоянии постоянной рефлексии о пределах своей дисциплины и отношениях со смежными науками. Язык самого психоанализа – язык пограничный. Может быть поэтому, хотя Лакан и подчеркивал, что он – психоаналитик, обращается к психоаналитикам и говорит о психоанализе, его теории оказались востребованными и в этике, и в политике, и в эстетике, и в философии, и в критике…

Психоанализ, для Лакана, как и для Фрейда, – не профессия, а искусство. Для Фрейда – искусство толкования. Для Лакана – одно из классических «свободных искусств», наряду с астрономией, музыкой, диалектикой, арифметикой и грамматикой. Говоря об искусстве, стоит сказать и о рисунках «Введения».

Рисунки напоминают: это – «введение», «книга для начинающих». Это – не академическое издание с кавычками и ссылками. И дело здесь не только во «введении», но и в том, что в психоанализе всякого рода переадресовки, прямая речь, цитаты воспринимаются скорее как отвлекающий маневр, как попытка самоустранения из речи. Это ведь не я говорю. Речь принадлежит кому-то другому. Своя речь – речь кого-то еще.

Рисунки создают зазор между собой и текстом, рассеивая внимание, делая его, хотя бы отчасти, скользящим. Напоминают они и о сродстве психоанализа и искусства, существующем со времен Фрейда; и о том, что

у Лакана даже не просто страсть коллекционера к изобразительному искусству, но и теоретический интерес. Рисунки восполняют отсутствие графов, схем, к которым был привязан Лакан. Рисунки напоминают: Лакан – теоретик воображаемого, оптического, спектрального, видимого, призрачного.

МЕХАНИЗМЫ РОЖДЕНИЯ

Жак Мари Эмиль Лакан родился 13 апреля 1901 года в Париже в семье весьма небедного торговца уксусом. Он стал первым ребенком в семье Альфреда Лакана и Эмилии Бодри. Затем на свет появились его сестра Мадлен и брат Марк-Франсуа (еще один брат умер в младенчестве). Семья проживала в комфортных апартаментах на бульваре Бомарше.

Имя Эмиль, кстати, будущий психоаналитик получил в наследство от деда по отцовской линии, который со всей суровостью исполнял обязанности отца. Власть этого «мерзкого мелкого буржуа», как назовет его Лакан на семинаре 6 декабря 1961 года, над внуком была настолько сильна, что будущая теория отцовского закона, теория Имени-Отца во многом будет обязана своим появлением на свет именно этому «чудовищному типу». Детские годы вообще оставят в душе Жака Мари Эмиля малоприятные воспоминания о жестко упорядоченной буржуазно-религиозной атмосфере и семейных скандалах. Впрочем, он навсегда сохранит светлую память о матери, которой будет восхищаться всю свою жизнь.

С 1907 по 1919 год Жак Лакан получит традиционное католическое воспитание и классическое образование в престижном иезуитском коллеже Станисласа. Греческий язык и латынь, классическая литература и рационализм Декарта, которые он с блеском будет изучать, станут тем основанием, от которого Лакан будет оттал-

киваться. В течение всей жизни будет он сохранять самые разнообразные жизненные интересы. Его будут привлекать различные науки. Не станет он чуждаться и «простых» человеческих радостей. Об этом будут свидетельствовать его друзья – Сальвадор Дали и Роман Якобсон, Морис Мерло-Понти и Альберто Джакометти, Жан-Поль Сартр и Пабло Пикассо, Андре Мальро и Андре Массой. Авангардная литература, дадаизм, философия – вот что привлекает его в юношеские годы. Манит его образ Спинозы. Манящий образ жизненно важен. Его идеализируют. С ним отождествляются. Жак Лакан прославится своей теорией стадии зеркала, на которой рождается целостный образ человека. В 1923 году Фрейд напишет, что человеческое я появляется на свет благодаря отождествлениям с другими людьми; собственное я собирается из черт других. Этими отождествлениями, идентификациями Лакан займется с самого начала своей теоретической деятельности, с начала 1930-х годов. Впоследствии он будет различать фундаментальные для построения себя первичные воображаемые идентификации и вторичные символические идентификации, действующие на стадии рождения собственно человека, т. е. на стадии Эдипа. Отождествлениям Лакан посвятит специальные семинарские занятия 1961—1962 годов.

В основе воображаемых идентификаций лежит отождествление с собственным отражением в зеркале.

Эти идентификации основаны на отождествлении с образом и потому называются воображаемыми. Зеркальное отражение рождает образ идеального себя и обусловливает идеализацию другого человека. В основе символических идентификаций находится отождествление с отцом в заключительной фазе эдипова комплекса. Эти идентификации рождают я-идеал и содействуют вхождению субъекта в символический порядок, порядок языка и культуры. Символические идентификации названы так, поскольку обеспечивают вхождение ребенка в символический порядок. Это уже отождествление не столько с образом, сколько со словом.

В основании лакановских рассуждений об идентификациях будет лежать формула Фрейда: я собирает себя, присваивая, делая своими черты других людей. Лакан будет подчеркивать фундаментальную значимость для отождествления того нарциссического образа другого, в котором я распознает себя. Причем таким содействующим собственному рождению и существованию идеальным образом может стать далеко не только современник, но и человек живший столетия назад, например Спиноза.

Спиноза останется с Лаканом на всю жизнь. Спиноза будет значим для него не только как нетрадиционный мыслитель, но и как знак сопротивления буржуазным надеждам отца и деда, как признак оппозиции офици-

альным доктринам и общепринятым мнениям. Еще во время учебы в коллеже в спальне

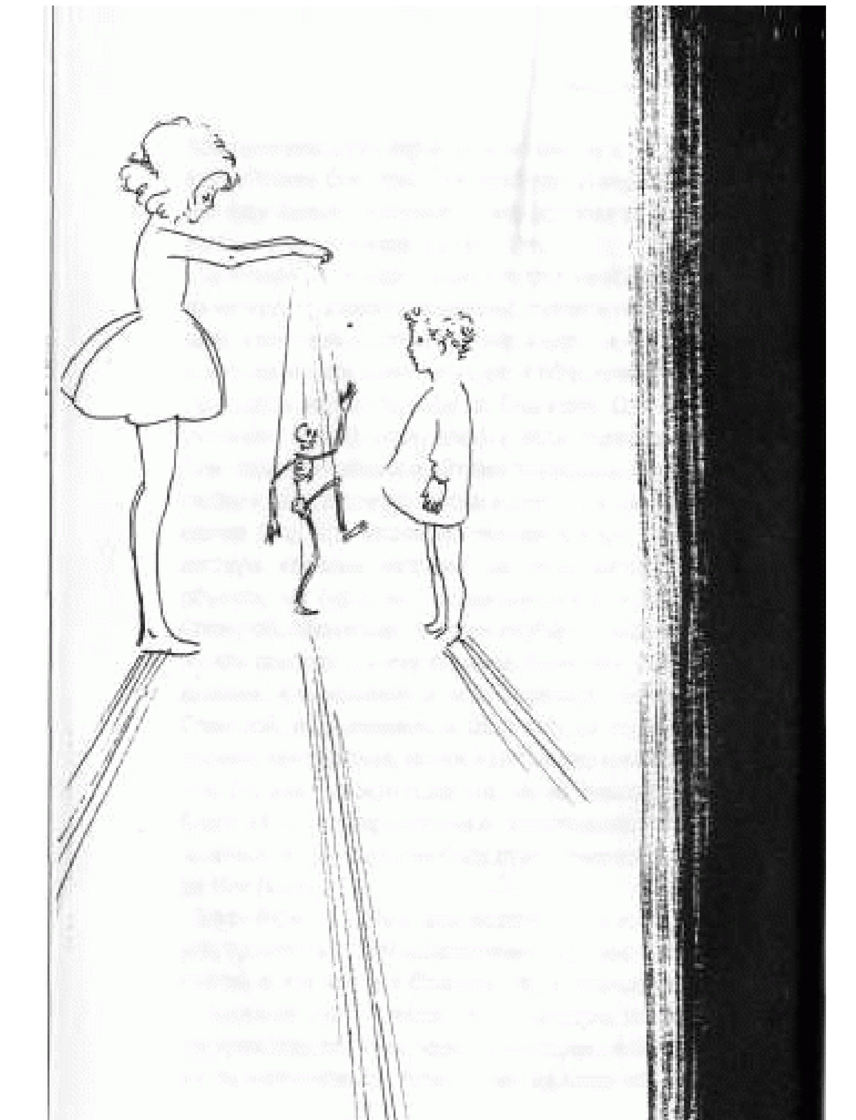
Лакана появится вычерченный им самим план строения «Этики» Спинозы. Спиноза будет интересовать его куда больше анатомии и морфологии во время учебы на медицинском факультете.

15 января 1964 года Лакан откроет свой семинар по четырем основополагающим понятиям психоанализа, к которым он отнесет бессознательное, повторение, перенос и влечение, с речи об отлучении. Он будет отождествлять себя со Спинозой. Спинозой, учившим: всякое определение есть ограничение. Спинозой, описавшим в «Этике» парадоксы любви – любви к себе в другом; любви к другому в силу ощущения того, что чего-то не хватает в себе; любви, которую желание направит на поиск неведомого объекта, как будто бы содержащегося в любимом. Спинозой, сказавшим: человек свободен лишь потому, что свобода эта ему желанна. Спинозой, утверждавшим, что желание и есть сущность человека. Спинозой, исключенным в 1656 году из еврейской общины Амстердама, которой он принадлежал, причем, без возможности возврата. Также безвозвратно будет изгнан из официальной психоаналитической организации борец за свободу духа Зигмунда Фрейда Жак Лакан.

Лакан будет входить в свои теоретические конструкции, проникать в свой собственный мир через филосо-

фию, в том числе и Спинозы, через психоанализ, в первую очередь Фрейда, через искусство, главным образом сюрреализма, через психиатрию, в которой учителем его станет Гаэтан Гатиан де Клермабо.

ПСИХИЧЕСКИЙ АВТОМАТИЗМ КЛЕРАМБО

С 1919 по 1927 год Жак Лакан изучает медицину. С 1926 года он специализируется на психиатрии. В годы учебы влияние на Лакана оказали три знаменитых психиатра – Жорж Дюма, Анри Клод и Гаэтан Гатиан де Клерамбо. Отметим, если Дюма был откровенным врагом психоанализа, а Клод проявлял живой интерес к открытиями венского мыслителя, то Клерамбо Фрейд вообще мало волновал. Когда в 1927 году Лакан приступает к работе в больнице Святой Анны, психиатрия уже испытала на себе влияние психоанализа; и шизофрения, в частности, считается результатом не дурной наследственности, а бессознательных конфликтов. Из трех учителей Лакана исключительное место занял один – Клерамбо. Лакан проходит под его руководством клиническую подготовку в Специальной больнице префектуры полиции. Через сорок лет после практики у Клерамбо, Лакан назовет его своим единственным учителем. Об исключительной близости учителя и ученика свидетельствуют и их отношения – любви и ненависти. О сложных отношениях свидетельствует, в частности, сноска, которую Лакан делает в своей статьей 1931 года «Структура паранойяльных психозов». В этой сноске Лакан, зная страх Клерамбо перед тем, что его идеи могут быть украдены, в достаточно карикатурной манере выражает благодарность учителю и за предоставленную методологию, и за всю терминологию. В ответ разгневанный учитель отрека-

ется от своего ученика и, разумеется, обвиняет его в плагиате. Несмотря ни на что, влияние Клерамбо на Лакана трудно переоценить.

Гаэтан Гатиан де Клерамбо был знаменитым исследователем паранойяльного бреда, психического автоматизма и речи пациентов. Несмотря на консерватизм своих психиатрических взглядов, он, подобно Фрейду, понимал, – нет барьера, разделяющего разум и безумие; более того, безумие содержит в себе определенную истину человека. Имя Г. Г. Клерамбо всем известно, по меньшей мере, благодаря выделенному им (и независимо от него русским психиатром В. Х. Кандинским) синдрому психического автоматизма (синдрому Кандинского-Клерамбо).

Описание этого феномена оказало сильное влияние на Лакана. При синдроме психического автоматизма пространство движения мысли оказывается открытым: мысль уходит вовне, мысль приходит извне. Мысль телепатически читается другими людьми. Мысль пересекает границу внешнего и внутреннего. Мысль удваивается в пространстве и времени. Мысль освобождается от источника мысли. Мысль отчуждается. Мысль становится чужой… Отчужденными, «сделанными», автоматическими предстают не только мысли и речь, но также движения и ощущения. Человек превращается в автомат.

Концепция психического автоматизма объясняет

всю систему галлюцинаций пациента существованием в его психике чего-то такого, с чем он ничего не может поделать. Клерамбо истолковывает автоматизм присутствием в душе некоей психической машины, с которой невозможно справиться. Внутренний, чисто механический паразит подчиняет себе психическое состояние человека. Человек управляется кем-то другим. Его инструктируют голоса.

Психический автоматизм показывает Лакану, как человек захвачен языком, как все его поведение подчинено инструкциям отчужденного голоса Другого. Этот элементарный феномен психоза обнаруживает загадочную связь субъекта с языком и мыслью, приходящими как бы извне. Самое, казалось бы, интимное, что есть у человека, его собственные мысли, оказываются ему не принадлежащими. При психическом автоматизме субъект полностью отчужден от себя. Он – мертвая кукла, в которой эхом отзывается голос Другого. Голос может звучать даже из божественных лучей, как это происходило в галлюцинациях знаменитого параноика Даниеля Пауля Шребера. Шребера, автобиографический текст которого будут анализировать и Фрейд, и Лакан.

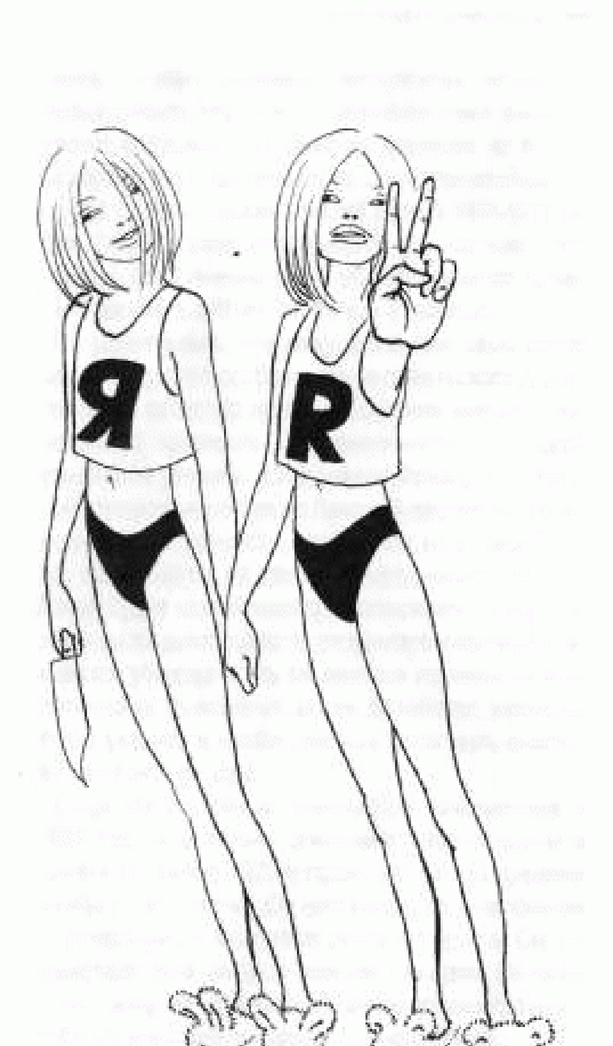
Клерамбо называет психический автоматизм основным элементом диагностики хронических психозов. Однако феномен автоматизма важен не только потому, что он во многом проясняет психотические состояния.

Автоматизм касается не только психотика, но и человеческого существа вообще. На одном из семинарских занятий сезона 1976—1977 годов. Лакан скажет «психический автоматизм – это норма», ведь именно в нем обнаруживается таинственная связь субъекта с речью и мыслью.

Не удивительно, что кажущиеся нам само собой разумеющимися особенности человеческого существования зачастую имеют отношение именно к паранойе. В частности, систематичность, от которой стремился уберечь психоанализ Фрейд, и от которой стремительно бежал Лакан. В частности, убежденность, уверенность, с которыми, на взгляд Лакана, психоанализ не должен иметь ничего общего. Лакан будет настойчиво предостерегать: психоанализ – не та деятельность, результатом которой становится убежденность пациента в истинности аналитических толкований. И сам он никогда никого не будет уверять в необходимости проходить анализ. Каждый решает сам.

Клерамбо говорит о психическом автоматизме в 1905 году и детально описывает этот синдром в первой половине 1920-х годов, как раз во времена учебы у него Лакана. Он настаивает на автономном и примитивном характере этого синдрома. Он утверждает: этот синдром заведен в каждом. Но чаще всего синдром психического автоматизма оказывается предвестником паранойяльного бреда.

ПАРАНОЙЯЛЬНЫЙ ПСИХОЗ ВОЗЛЮБЛЕННОЙ

18 июня 1931 года в больницу Святой Анны поступает Маргерит Пантэн-Анзьё. Причина: покушение на жизнь знаменитой парижской актрисы Югет Дюфло. Расследуя ее дело в течение полутора лет, Лакан заключает: в данном случае мы имеем дело с самонаказующей паранойей. Когда Маргерит наносит ножом удар актрисе, то метит она на самом деле в себя, ведь Дюфло – женщина ее мечты, ее идеал. Маргерит отождествляет себя с актрисой, и, тем самым, выходит за пределы биологического тела. Маргерит и есть Югет. Уже в этой истории почтовой служащей, размечтавшейся о другой жизни, на первый план выходят темы, которые будут волновать Лакана и в ближайшем будущем, и долгие годы спустя – нарциссизм, образ, другой, идеал.

Лакан дает пациентке имя Эме, что буквально значит Возлюбленная. Это имя он берет из написанного Маргерит в 1930 году, но неопубликованного романа «Хулитель». Возлюбленная становится главной героиней его диссертации «О паранойяльном психозе в его отношении к личности». Описание этого клинического случая – фундамент, на котором Лакан разворачивает строительство своих теоретических конструкций. Возлюбленная занимает совершенно особое место в творческой жизни Лакана. Детальное изучение и описание истории болезни вообще окажется для него редкостью. В отличие от Фрейда, у Лакана практически не

будет других знаменитых разборов клинических случаев. Лакан куда больше прославится новыми интерпретациями классических историй болезни из практики Фрейда. Он будет постоянно обращаться к Маленькому Гансу и Доре, Человеку-Крысе и Человеку-Волку, Шреберу и сновидениям из книг Фрейда.

За паранойяльным бредом Возлюбленной скрываются бессознательные агрессивные влечения. Сам же бред – компромисс. Вот где психиатр Лакан обращается к психоаналитику Фрейду, а именно к его статье «О некоторых невротических механизмах ревности, паранойи, гомосексуальности».

В этой, вышедшей в свет в 1922 году статье Фрейд пишет, что агрессия, направленная на человека одного с собой пола, может легко трансформироваться в любовь, причем любовь нарциссическую, несмотря на то, что метит она в другого. Превращение агрессии в любовь носит защитный характер – любовь позволяет справиться с собственной агрессией. В 1932 году Лакан переводит эту статью Фрейда и публикует во «Французском вестнике психоанализа». В это время его больше всего интересует вторая фрейдовская топика – я, оно, сверх-я, а также направленность либидо на собственное я. Парадокс этой ситуации заключается не столько в превращении агрессии в любовь, сколько в том, что нарциссический выбор объекта предполагает любовь к другому как к самому себе,

к собственному образу! Идея самонаказания, наказания себя вместо другого, хорошо известна из еще одной статьи Фрейда, написанной им в 1924 году – «Экономическая проблема мазохизма». В этой статье говорится об искупающей чувство вины бессознательной потребности в наказании, о связи мазохизма с нарциссизмом, о том, что потребность в наказании может прикрывать гомосексуальное желание. Потребность в наказании наиболее очевидно появляется как реакция на собственные агрессивные желания, направленные на своих родных и близких.

В происхождении бреда Возлюбленной важнейшую роль играет ее сестра. Сестра, служащая зеркалом. Сестра, с которой ее путают. Сестра, которая занимает ее место. Сестра, с которой она себя отождествляет.

Бред Возлюбленной – это попытка освободиться от зеркальной привязанности к сестре, это отчаянное стремление провести границу между собой и сестрой-двойником, обрести от нее бессознательную независимость. С этой (неосознаваемой) целью Возлюбленная начинает источать на сестру паранойяльную враждебность, а впоследствии переносит агрессию с сестры на другие объекты своей идентификации. На примере Возлюбленной Лакан стремится понять особенности возникновения и развития паранойи. Через несколько лет, благодаря стадии зеркала ему откроется паранойяльная структура личности, а точнее соб-

ственного я [moi] как проекции себя на другого. «Это не я, это – он» – вот как звучит обычное паранойяльное обвинение. Виноваты всегда другие. Нападение с ножом на актрису на входе в театр – это нападение на себя, своего двойника, свой идеал.

В 1931 г. Лакан получает диплом судебного психиатра, а в ноябре 1932 года защищает диссертацию. В ней он высказывает психоаналитическую мысль: ключ к нозологии, прогностике и терапии психоза – хранится в конкретном анализе, который исследует историю развития данной уникальной личности. Паранойя, для Лакана, – это форма выражения истины о человеке. История жизни и болезни Возлюбленной позволяет ему понять, что психоз – расстройство психического синтеза. Этот синтез по сути дела и есть личность как совокупность отношений с окружающими. Значительно позже, на семинарском занятии 16 декабря 1975 года он скажет: паранойяльный психоз и личность – одно и то же.

Свое исследование Лакан отправляет в Вену Фрейду, от которого в январе 1933 года получает открытку с лаконичным ответом: «Спасибо, что прислали Вашу диссертацию». Фрейд не проявил к труду французского психиатра особого внимания, зато Лакан получает крайне заинтересованный отклик в среде художников-сюрреалистов.

РАБОТА С «МИНОТАВРОМ»

Диссертация Лакана «О паранойяльном психозе в его отношении к личности» публикуется не в психиатрическом или психоаналитическом издании, а в первом номере сюрреалистического журнала «Минотавр», в 1933 году. Многие открытия Лакана отмечены поначалу именно художниками и писателями, а не врачами и учеными. Высоко оценив его диссертацию, Дали и Кревель привлекают Лакана к работе над журналом «Минотавр», в котором в 1933 году выходят в свет статьи «Проблема стиля и психиатрического понимания форм паранойяльного опыта» и «Мотив паранойяльного преступления: преступление сестер Папен». В один из дней 1933 года сестры Папен с невероятной жестокостью убили своих хозяек. Сюрреалистов эта история привлекает как воспетое Лотреамоном проявление «абсолютного зла». Лакан же, как и в истории с Возлюбленной, утверждает: убийство совершено не в силу классовой ненависти, а из-за паранойяльной структуры отношений сестер с хозяйками, из-за той идеализации, в плену которой оказались служанки.

В 1930-е годы не только работа в клинике, не только изучение теорий оказывают влияние на понимание Лаканом языка психозов, но и изучение параноико-критического метода Дали. Этот метод иррационального спонтанного познания основан на систематической и критической ассоциациях, на бредовых интерпретациях. Цель этого метода – соединить бред с критическим

элементом, направленным не на его притупление, а на его материальную конкретизацию. В размышлениях Лакана психический автоматизм Клерамбо дополняется теперь автоматическим письмом, так называемым письмом под диктовку бессознательного, впервые использованным Андре Бретоном и Филиппом Супо в 1919 году в сочинении «Магнитные поля». С Бретоном, главным теоретиком сюрреализма, Лакан знакомится еще в 1920-м году, а в 1930-м он встречается с Дали.

Сближение Лакана с сюрреализмом не случайно и не удивительно. Особенность появления психоанализа во Франции в том, что он проникает не столько через медицинскую среду, сколько через сюрреалистическую. Художественная почва – благоприятнее. Психоз и для сюрреалистов, и для Лакана куда больше говорит о человеке, чем так называемая нормальность. С искусством Лакан сталкивается не только в музеях, мастерских и книжных лавках, но и в психиатрической больнице: у его учителя Клерамбо, как и у его знаменитого предшественника Эскироля, была привычка зарисовывать наиболее характерные черты своих пациентов.

В 1928 году сюрреалисты устраивают празднование наследия Шарко, и даже не столько его самого, сколько его знаменитой пациентки Августины. Праздник 50-летия истерии прославляет психическое расстройство как великое поэтическое открытие, как высшее сред-

ство выражения, как прорыв иррационального в сферу науки.

В сюрреалистических экспериментах Лакана привлекает не только их связь с бессознательными процессами, но и интерес сюрреалистов к самым разным наукам. Если для творчества Фрейда особенно значимыми были мифология, античное и классическое искусство, то для Лакана важны не только «основания» культуры, но и современное ему изобразительное искусство, литература, кинематограф. Дело не только в любви к современному искусству, но и в том, что оно находится под влиянием различных дисциплин, и далеко не в последнюю очередь под воздействием психоанализа.

Журнал «Минотавр» важен для Лакана не только художественным творчеством, но и междисциплинарностью. Лакан сближается не только с поэтами, писателями, художниками: Раймоном Кено, Жаком Превером, Андре Массоном, Тристаном Тцара, но и с писателем-этнологом Мишелем Лейрисом и писателем-антропологом Роже Кайуа. Последний изучал, в частности, маски, игры, мимикрию. Именно понимание мимикрии оказало влияние на развитие лакановской «Стадии зеркала». Кайуа утверждал, что мимикрия связана не, как принято считать, с самосохранением организма, а с законом, согласно которому организм захватывается окружающей средой, сливается с ней. Пленен-

ность образом другого ведет ребенка к овладению собственным телом, но цена за это – неразрывная связь с запечатленным образом, переходность себя в другого: бьющий ребенок называет себя битым, увидевший, как другой упал, плачет сам, – укажет Лакан в докладе «Агрессивность в психоанализе» на конгрессе в Брюсселе в мае 1948 года.

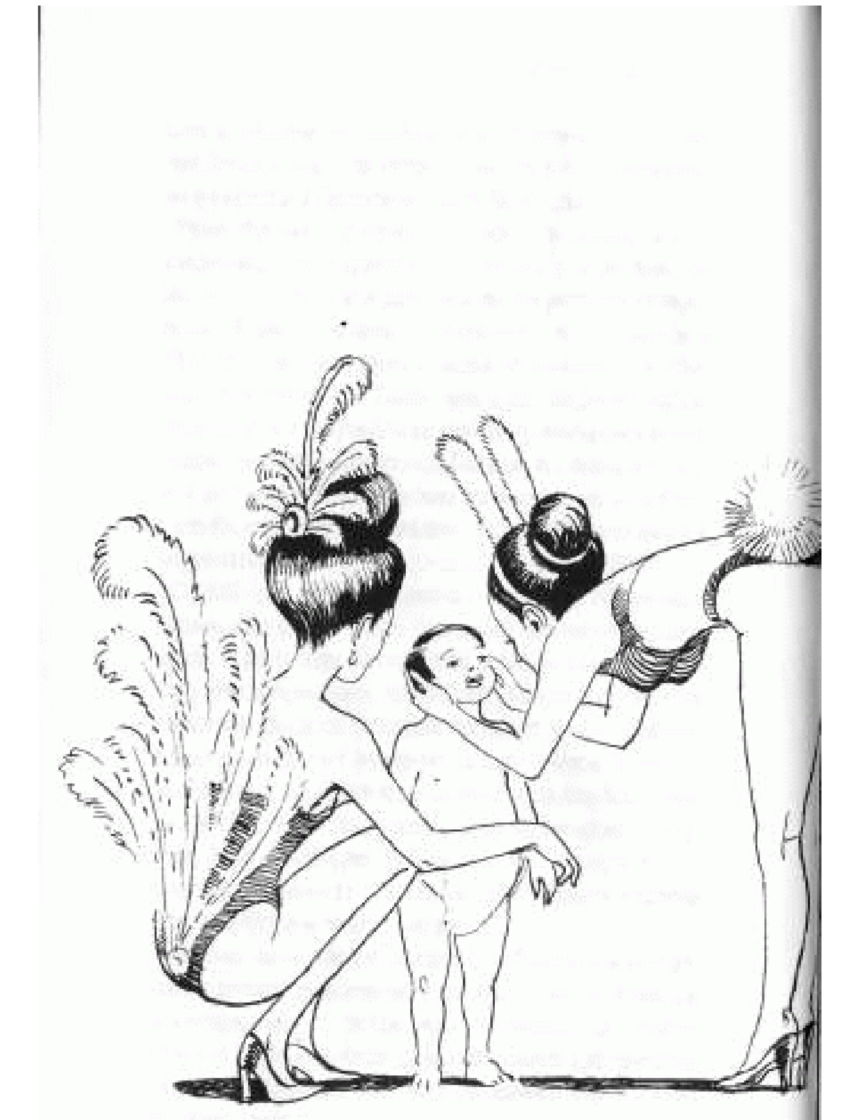
Речи Лакана враждебны бюрократическому языку академий, и это роднит его не только с сюрреалистами, но и с близким и далеким им теоретиком гетерологии Жоржем Батаем, с которым он познакомится в 1933 году на семинарах Кожева по гегелевской «Феноменологии духа». Лакан навсегда сохранит пафос борьбы с институциализацией и конвенциональным теоретическим дискурсом. С Батаем, впрочем, его свяжут не только теоретические горизонты, но и любовь к его (бывшей) жене, Сильвии, с которой Лакан начнет встречаться в 1938 и на которой женится в 1953.

С 1939 года интерес Лакана к искусству оборачивается и еще одной своей стороной: коллекционированием. В этом году он покупает у Андре Массона картину «Нить Ариадны». Коллекция быстро пополняется работами Пикассо (который проходит у него анализ), Бальтуса и других знаменитых художников. В конечном счете, в его коллекции окажется свыше 5000 книг, множество александрийских и греко-римским статуэток, кукол индейцев Пуэбло, картин Ренуара, Моне, Де-

рена, Джакометти, а также шокирующая картина Гюстава Курбе «Начало мира».

Именно начало мира, вопрос о собственном рождении и движет познанием человека, – пишет Фрейд в исследовании, посвященном Леонардо да Винчи. Именно тайна происхождения направляла творчество Леонардо. Именно этот вопрос привел к рождению психоанализа.

НЕПОДДАЮЩИЙСЯ ПАЦИЕНТ

Специализируясь на психиатрии, занимаясь философией, увлекаясь современной ему литературой и изобразительным искусством, Лакан неизбежно приходит к психоанализу. В тот самый день, 4 ноября 1926 года, когда Лакан представляет Неврологическому обществу свой первый клинический случай, в другом районе Парижа организуется Психоаналитическое общество, в которое входят всего десять человек – Рене Лафорг, Рудольф Лёвенштайн, Мари Бонапарт, Эдуард Пишон… Сюрреализм и психиатрия оказались той интеллектуальной средой, в которой выкристаллизовывался французский психоанализ. Со временем Лакан возведет его в ранг доминирующей интеллектуальной дисциплины.

В 1932 году во «Французском журнале психоанализа» выходит в свет статья Фрейда «О некоторых невротических механизмах ревности, паранойи и гомосексуализма» в переводе Лакана. В этом же году он защищает свою диссертацию. Нарциссизм – вот что его интересует. Нарциссизм в его отношениях к той инстанции, которую он назовет через несколько лет собственным я [moi]. Лакан будет детализировать теорию нарциссизма в его связи со своим собственным образом и образом другого.

С 1932 по 1938 год Жак Лакан проходит анализ у Рудольфа Левенштейна. Отношения между аналитиком и анализируемым складываются весьма не про-

стые. Лёвенштейн принадлежит классической традиции, анализ он проходил у Ганса Закса, одного из ближайших учеников Зигмунда Фрейда. Эмигрировав в 1939 году в США, он станет одним из основателей эгопсихологии, того самого ответвления от психоанализа, которое Лакан будет подвергать в течение десятилетий уничижительной критике. Лёвенштейн в свою очередь отзывается о своем пациенте как о не поддающимся анализу. Словом, отношения Лакана и Левенштейна характеризуются негативным переносом. Для возникновения переноса, поймет впоследствии Лакан, необходимо наделение аналитика знанием. Аналитик – субъект, который, как предполагается, знает об анализируемом нечто такое, чего тот сам о себе не знает. Едва ли сам Лакан наделял таким статусом Левенштейна.

После того как благодаря усилиям Эдуарда Пишона, Лакан становится членом Парижского психоаналитического общества (ППО), он открывает свою частную психоаналитическую практику. Подобно Фрейду, который почти пятьдесят лет практиковал в одном доме, Лакан с 1941 года будет принимать пациентов в доме номер пять по улице Лиль.

То, как именно Лакан будет проводить сеансы психоанализа, послужит причиной его исключения из ортодоксального психоаналитического сообщества.

В 1951—1953 годах он вводит в психоаналитиче-

скую практику сеансы с переменной длительностью. Иногда встреча длится вместо установленных классической традицией пятидесяти минут пятнадцать, десять, пять… В дальнейшем Лакан будет безуспешно пытаться убедить своих оппонентов в осмысленности практики неожиданного окончания сеансов как расстановки пунктуации в речи пациента. Почему время сессии переменчиво? По меньшей мере, потому что бессознательное не знает времени, потому что сеанс не отмеряется конвенциональными минутами. Как и сновидение, сеанс не знает времени. И еще: хронологическая ограниченность встречи используется анализируемым в качестве узаконенной формы сопротивления. Вот как описывает этот эффект, проходивший анализ у Жака Лакана Стюарт Шнейдерман: окончание сеанса, неожиданное и нежеланное, было подобно грубому пробуждению, как будто громкий звук будильника вырывал из сна… Этот разрывающий сеанс, разрезающий его жест, как бы говорил: отложи все в сторону, иди вперед, не привязывайся ко сну, не очаровывайся его эстетикой. Позиция Лакана симметрична в этом отношении позиции Фрейда: как Фрейд настаивал на том, что аналитик не должен играть роль удовлетворяющей, потворствующей желаниям пациента матери, так и Лакан подчеркивает, – аналитик должен представлять запрещающего отца, указывающего анализируемому на место Другого. Аналитик, в конце концов, не

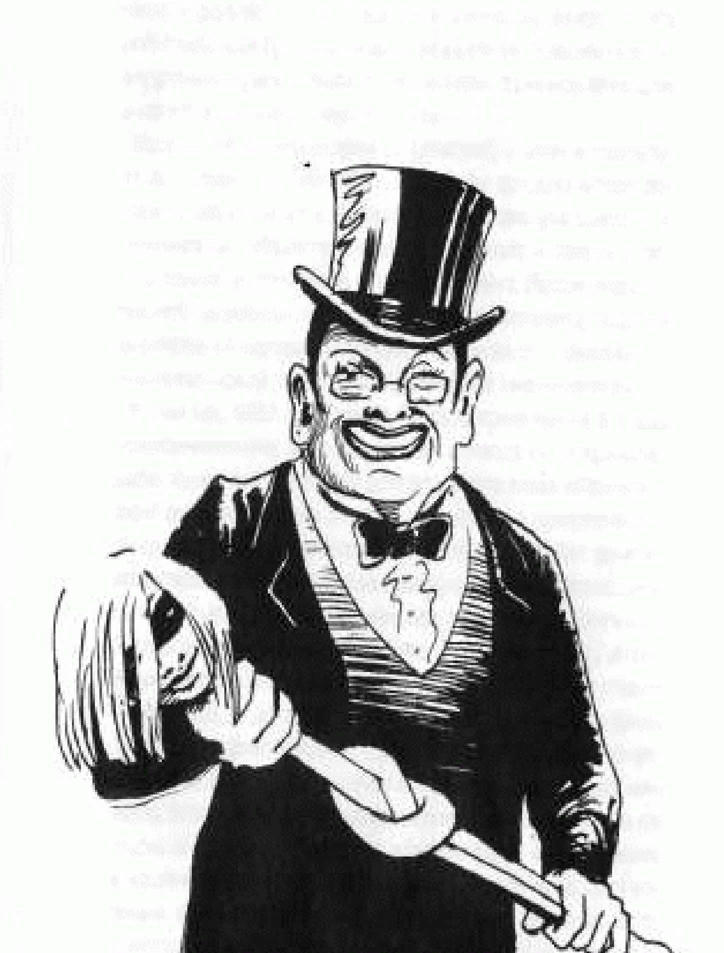
должен занимать исходную в анализе господскую позицию того, кто якобы знает о пациенте больше, чем тот знает о себе самом. Аналитик должен не занимать место Другого, не идентифицироваться с ним, а содействовать встрече анализируемого с его собственным Другим. Аналитик должен помочь анализируемому расстаться с желанием, приписывающим аналитику истину знания о нем.

Кстати, об анализируемом [analyse]. Лакан использует это слово до 1967 года. Позже он предпочитает говорить «анализант». Форма этого слова указывает на активность субъекта анализа. Работает – говорит, ассоциирует, истолковывает – анализант. Лакан подчеркивает: аналитик не анализирует анализанта. Задача аналитика – наладить процесс анализа, содействовать аналитической работе, совершаемой анализантом.

В том же, 1938 году, когда Лакана принимают в ряды психоаналитического общества и когда он открывает свою практику, он пишет для восьмого тома «Французской энциклопедии» статью «Семейные комплексы в формировании индивида». В этой работе он заново истолковывает некоторые принципиальные психоаналитические положения, начиная, в частности, борьбу с биологизаторским пониманием психоанализа. Детерминирующие индивида силы, подчеркивает он, лежат в культуре, а не в природе. Человек – внеприродное существо. Комплексы индивида предполагают травмати-

ческое его удаление от биологического, материнского. Начинается эта история с комплекса отнятия от груди, а два последующих комплекса – «вторжения» и «эдипов» окончательно перекрывают пути отступления к симбиотическим отношениям. Даже то, что кажется порой зовом природы – желание, и то, оказывается, не имеет к ней никакого отношения.

ПАРАДОКСЫ ЖЕЛАНИЯ ЛАКАНА

Уже у Фрейда мир не является ни миром вещей, ни миром бытия, но миром желания. Именно желание стало той тайной, которая открылась ему в 1895 году в ходе толкования сновидений. В том же, 1895 году, в «Наброске научной психологии» Фрейд показывает, что первые переживания удовлетворения у ребенка нельзя свести к утолению естественных потребностей. Мать не просто дает ребенку то, что ему необходимо, но переводит потребность в пище посредством языка в запрос. Она ставит его перед необходимостью формулировать свою потребность: скажи, что хочешь! вырази свое желание! Потребность всегда связана с запросом еще и потому, что крик ребенка, выполняющий функцию разрядки возбуждения, истолковывается матерью буквально как запрос – как голод или жажда. Впоследствии субъект будет истолковывать напряжение, возникающее в своем организме, как нехватку. Для полного счастья всегда чего-то не хватает. Удовлетворение всегда обнаруживает фундаментальную неудовлетворенность. «Эх, так бы всегда!» – говорит человек. «Эх, еще бы раз такое пережить!» – повторяет он.

Формулируя свою теорию желания, Лакан опирается не только на рукопись Фрейда, но и на диалектику Гегеля в интерпретации Кожева. В частности, в том парадоксальном выводе, что желание обретается только как желание другого. Борьба за признание, борьба за

желание разворачивается в диалектике отношений с другим. Лакан не раз говорит: формирование человеческого мира как такового происходит в изначальном соперничестве, в смертельной схватке с другими. Гегелевская диалектика господина и раба состоит в том, что господин лишает раба его наслаждения, овладевает объектом желания как объектом желания раба, получает признание со стороны раба, но при этом сам лишается своей независимости. У господина нет возможности своими силами преодолеть свою зависимость, свое отчуждение. 30 ноября 1955 года Лакан скажет: завоевавший наслаждение становится полным идиотом, ни к чему, кроме наслаждения, не способным, в то время как лишенный наслаждения сохраняет всю свою человечность. Раб признает господина, а значит, имеет возможность получить признание и с его стороны. Вот он веками и ведет борьбу за достойное признание. Раба заставляют работать, и он получает возможность воспринимать себя через творения своих рук. Господин остается в зависимости, в то время как раб готовит себя к независимости. У него появляется шанс быть признанным в своем труде. Итак, желание обретается как желание другого не потому, что другой владеет ключом к желанному объекту, а потому, что за желанием какого-то объекта, будь то предмет, или человек, скрывается желание быть признанным другим. Это желание быть желанным. Желание желания другого. Так

уже за желанием получить молоко стоит желание получить признание, любовь матери. Это признание по сути дела подтверждает существование. Быть признанным значит существовать.

Еще один парадокс заключается в том, что желание утверждает нехватку существования. Я чего-то желаю, значит, мне чего-то не хватает для существования. Я желаю того, что находится вне меня. Я желаю того, что для меня – не я, нечто отличное от меня.

Борьба за признание, борьба за желание другого отчуждает его от объектов желания. Я желаю не то, что называю в качестве желанного объекта. Желание не может быть удовлетворено. Такую цену ребенок платит за вход в мир человека, языка, культуры. Удовлетворить можно не желание, а потребность.

Лакан отличает желание от потребности и запроса. Потребность нацелена на конкретный объект и удовлетворяется этим объектом. Запрос формулируется в обращении к другому человеку. Запрос этот, следовательно, возникает в поле языка и относится к чему-то отличному от удовлетворения, к которому он взывает. Запрос, будучи сформулированным в языке, всегда уже ставит вопрос о присутствии и отсутствии. Биологическая потребность и звучащий из языка запрос, таким образом, никогда не совпадают. Между ними всегда сохраняется зазор.

В этом зазоре между потребностью и запросом и ро-

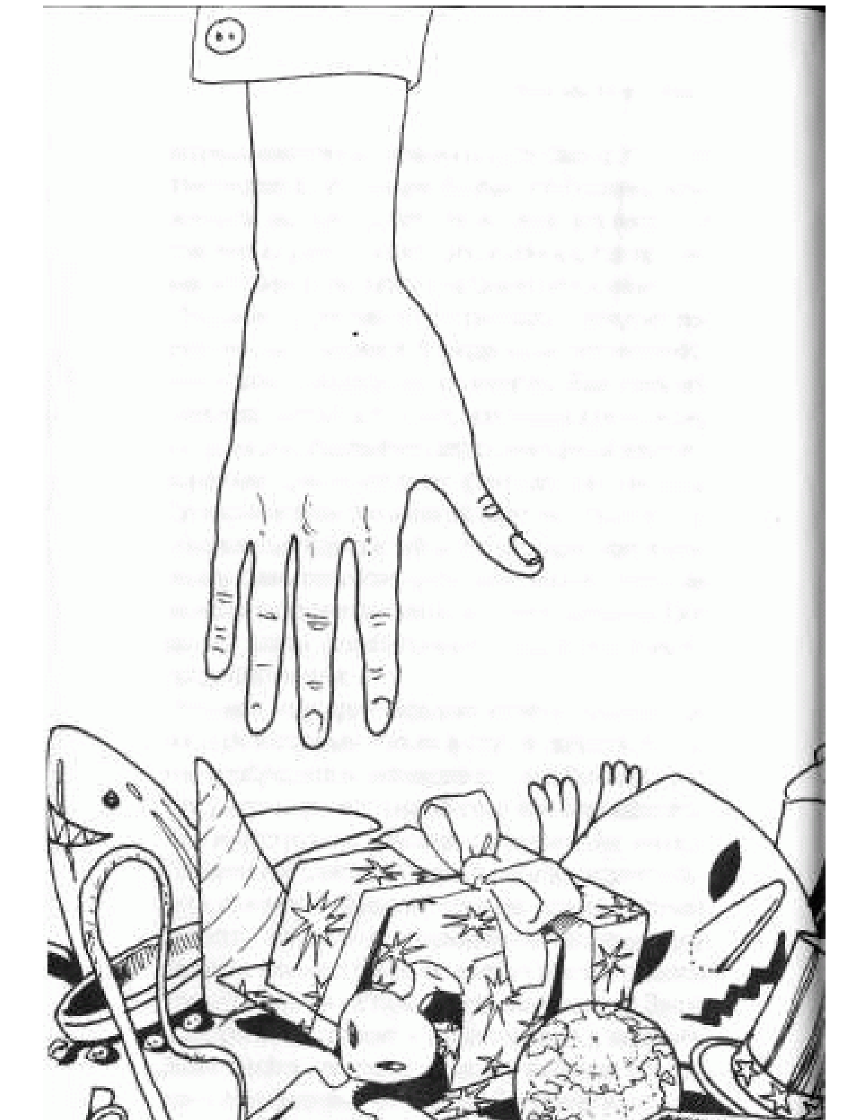
ждается желание. Оно не относится к независимому от субъекта реальному объекту. Этот момент подчеркивается и в желании самого Лакана. Когда он утверждает в «Инстанции буквы», что бессознательное есть дискурс Другого, то желание его состоит в том, чтобы указать на то потустороннее, где признание желания сплетается с желанием признания.

Желание, в отличие от потребности, обладает постоянно смещающимся, блуждающим, эксцентрическим и даже скандальным характером. Еще один его парадокс состоит в том, что, апеллируя к реальному, желание довольствуется галлюцинаторным удовлетворением. Оно – источник фантазма как такового. Однако при этом оно воздействует не только на воображаемый порядок субъекта, но и приводит в движение символическую цепь означающих. Желание запускает все речевые акты, включая молчание. Оно движет всеми сознательными и бессознательными представлениями.

Наконец, еще один парадокс желания: объект становится желанным только в случае запрета. Желание пробуждается запрещающим его Законом. Оно нуждается в препятствии, которое нужно преодолеть. Нет инцестуозного желания до запрета на инцест. Ссылаясь на Святого Павла, Лакан утверждает: объект становится объектом желания только в случае запрета. Желание поддерживается запрещающим Законом. Как ни

странно, но именно здесь коренится этика Лакана. Он не только противопоставляет Закон и желание, но говорит и о Законе самого желания. Завет Лакана: не предавай своего желания! Его Закон – единственный императив. Его проявление – во влечении.

ВЛЕЧЕНИЯ ПО ЛАКАНУ

Желание связано с влечением. Влечения, по Лакану, – частичные проявления желания. Влечения – частичные аспекты, в которых желание себя проявляет. Лакан подвергает жесткой критике переводчика Фрейда на английский, Стрейчи, за превращение основополагающего психоаналитического понятия «влечение» в биологический термин «инстинкт». Именно на Стрейчи во многом лежит ответственность за биологизацию психоанализа, за то, что человек оказался наделенным инстинктами. Влечение, подчеркивает Лакан вслед за Фрейдом, – символическое, культурное образование. Влечения, в отличие от инстинкта, крайне разнообразны и формируются вместе с разворачиванием истории жизни человека. В отличие от инстинктов и потребностей, влечение, как и желание, невозможно удовлетворить. Цель влечения не конечна, она заключена в самом пути его движения. Наслаждение достигается не достижением какой-то цели, а повторяющимся движением по замкнутой символической цепи. Лакан придерживается дуализма влечений Фрейда, только дуализм этот он понимает не как противостояние различных влечений, а как оппозицию в режиме пары символическое и воображаемое. В 1920 году, в книге «По ту сторону принципа удовольствия» Фрейд сталкивается с невозможностью окончательно противопоставить влечения. Несмотря на неудачу, он не отказывается от оппозиции «влечение жизни – влечение

смерти». Лакан даже и не пытается поддерживать эту оппозицию. Для него всякое влечение – и сексуально, и – влечение смерти. Лакан приходит к такому выводу, опираясь на соображения Фрейда, высказанные в той же книге 1920 года: любое влечение характеризуется консервативностью и навязчивым повторением, иначе говоря, связано с влечением смерти. Кроме того, Лакан настаивает на частичном характере любого влечения. В теории Фрейда частичные влечения в Эдипов период собираются под эгидой генитальности в некое целое. Гениталии центрируют сексуальный интерес ребенка. Лакан, в отличие от Фрейда, настаивает на том, что влечения всегда сохраняют свою частичность и никогда не достигают гипотетической завершенной организации. Нет никакой полной интеграции влечений, никакого гармоничного слияния в единое целое! Лакан говорит о четырех частичных влечениях – оральном, анальном, зрительном, голосовом. Каждое из них связано с определенной эрогенной зоной – губами, анусом, глазами, ушами. Каждому из них соответствует свой частичный объект – грудь, фекалии, взгляд, голос. Первые два влечения связаны с потребностью, два других – с желанием.

Лакана как раз и интересует желание как таковое, желание без объекта. Важен не объект, на который направлено желание, а причина его возникновения, иначе говоря – объект-причина. Эту объект-причину жела-

ния Лакан называет объектом а («а» от французского autre – другой). Поскольку желание это всегда уже желание другого, то Лакан и называет его объектом а – объектом-причиной желания другого.

Этот таинственный объект Лакан подробно рассматривает на семинарских занятиях 1960/61 годов, посвященных переносу. Он связывает объект а с понятием, которое находит в «Пире» Платона, – агальма. Агальма – драгоценный объект, ценность которого заключена в связи с Другим. Объект а – агальма, невидимое сокровище, то, что «уцелело» от символизации. Поскольку этот объект не символизирован, его невозможно представить. На семинарах 1966/69 годов Лакан будет говорить, – непредставимость этого ускользающего объекта ведет к тому, что он функционирует как нехватка бытия.

Этот непредставимый объект помогает понять, как ребенок находит опору в символическом порядке. Он отождествляет себя с означающим в этом порядке, таким, например, как его имя собственное. Он восполняет нехватку, на которую указывает наличие желания, означающими, представляющими его другим означающим. Сложность ситуации состоит в том, что порядок Другого как источника языка, также основан на нехватке. Ведь мать как источник любви и родного языка сама «страдает» нехваткой, на что указывает ее желание. В результате отождествление себя с означающим, с соб-

ственным местом в порядке языка, предполагает отождествление с объектом этой нехватки в Другом, Матери, Отце. Субъект находит нишу в Другом, идентифицируясь с самой пустотой в его сердцевине, с той точкой, в которой

Другой терпит крах. Крах быть полноценным, всемогущим, идеальным.

Объект-причина желания в Другом, с которым отождествляется субъект, восполняет нехватку. Объект а придает тело этой пустоте в Другом. Объект а одновременно представляет собой чистую нехватку, пустоту, вокруг которой вращается желание, и воображаемый элемент, скрывающий пустоту, заполняющий ее так, что она становится незримой.

На семинарах 1969/70 годов Лакан, по аналогии с прибавочной стоимостью Маркса, определяет объект а как причину прибавочного наслаждения. И, наконец, концептуальное путешествие объекта а завершится обретением в 1974 году исключительного статуса связного всех трех порядков лакановского психического аппарата: этот объект расположится в центре Борромеева узла, в той области, в которой перекрываются символическое, воображаемое и реальное.

Понятие объект а непосредственно связано с воображаемым порядком и фантазией, с фантазматическими отношениями желания к символическому порядку Другого. Фантазия это и последнее доказательство

того факта, что желание субъекта – желание Другого, и способ, позволяющий субъекту ответить на вопрос, каким именно объектом он является в глазах Другого, в желании Другого. Благодаря фантазии ребенок отвечает на вопрос о своей роли в отношениях матери с отцом. Этот загадочный объект а появляется у Лакана в конце 1950-х годов как раз в связи с теорией рождения своего собственного образа по образу и подобию другого, то есть в связи со стадией зеркала.

ПРЕДИСТОРИИ СТАДИИ ЗЕРКАЛА

3 августа 1936 года Лакан выступает на 14-м Международном психоаналитическом конгрессе в Мариенбаде. Впрочем, толком выступить ему так и не удалось: через десять минут выступление прерывает председательствующий Эрнест Джонс. Почему? Возможно, потому что никому не известный француз говорил на каком-то непривычном языке. Возможно, потому что все были взволнованы куда более важными проблемами – конфликтом Анны Фрейд и Мелани Клайн; расползающимся по Европе фашизмом, который вынуждал психоаналитиков покидать Европу.

Лакан понимает – идти нужно своим путем, но ему нужны союзники. Он обращается к работам Мелани Клайн, которая занимается вопросами фантазматического, воображаемого пространства субъективации, структурализацией объектных отношений, архаической ролью эдиповых уз, паранойяльной позицией. Для Клайн, как и для Лакана, объект – всегда имаго, то есть образ объекта, который субъект интроецирует в себя, превращая его в фантазм. Позиция Клайн и Лакана противоположна позиции Анны Фрейд и нарождающейся эго-психологии. Лакан будет определять становление психики, исходя из того, что я субъекта создается не под влиянием принципа реальности, не как система психологических защит, но в результате серии идентификаций, в первую очередь в результате идентификации со «своим собственным образом».

Само понятие «стадии зеркала» Лакан заимствует у психиатра, философа, детского психолога Анри Валлона. Он перерабатывает теорию Валлона на основе идей Фрейда о происхождении я. Другими истоками «стадии зеркала» становятся диалектика отчуждения Гегеля и теории Харрисона, Шовена, Лоренца. Эти этологи установили первостепенную роль образов и их запечатлевания в развитии живых организмов.

В статье 1931 года «Как развивается у ребенка понятие о собственном теле» Валлон описывает появление представлений о себе. В этой статье рассматриваются опыты с зеркалом как своего рода испытания, которые ребенок проходит на пути взросления и которые становятся решающими в завоевании нормальной «взрослой» связи с собственной реальностью и реальностью вообще. Лакан психоаналитически пересматривает психологические представления об отношениях с реальностью, а также замещает «испытания» «стадией».

В 1923 году в работе «Я и оно» Фрейд высказывает ряд соображений по поводу рождения я. Во-первых, пишет он, я – одно из представлений, которое кажется нам само собой разумеющимся: «мы создали себе представление о связной организации душевных процессов в одной личности и обозначаем его как я этой личности». Во-вторых, появление я связано с различением ощущений внешнего и внутреннего, с образ-

цом этого различения на основе удовольствия/ неудовольствия. Я – поверхность между внутренним и внешним, граница, на которой конституируется субъект. Между тем то, что ребенок научается различать себя и другого, еще не значит, что он оказывается в согласии с собой. В субъекте конституируется область изначального отчуждения, формирующая в нем разделенность внешнего и внутреннего. В появлении себя, своего собственного я принципиальную роль играет другой. В книге 1921 года «Массовая психология и анализ человеческого я» Фрейд пишет, что в психической жизни человека всегда присутствует другой. Этот другой выполняет различные функции, и на первом месте у Фрейда стоит другой как образец, прообраз [als Vorbild]. В-третьих, эта поверхность проецируется вовне: я – проекция; образ себя придан извне. Лакан развивает эти соображения Фрейда.

Ребенок переживает стадию зеркала в возрасте от 6 до 18 месяцев. Начинается она после разрешения комплекса отнятия от груди, вследствие которого устанавливается имаго материнской груди. В результате этого отделения и раскрывается пространство, в котором будут то сходиться, то расходиться я и другой.

В основании стадии зеркала лежит «преждевременность рождения», беспомощность, Hilflosigkeit, отсутствие моторной координации послеродовых месяцев, витальная зависимость от Другого, от матери. Судьба

новорожденного – социализация или смерть. Хоть и «с опозданием» на несколько месяцев, зеркальный образ позволяет скоординировать моторные функции тела и собрать различные органы в единый организм. Так ребенок овладевает собственным телом.

Запечатлеваемый образ себя в дальнейшем действует как жизненно необходимая опора, как протез, без которого я утрачивается в психотическом неразграничении внутреннего и внешнего. На стадии зеркала создается нарциссический образ, синтезирующий единство собственного тела, образа его. Свидетельством иллюзорности этого единства является тот психотический распад целостности тела, который встречается при шизофрении, при регрессии по ту сторону зеркала. Раздробленное тело – вот что поджидает за иллюзорным единством.

До стадии зеркала ребенок переживает свое тело не как целостность, а как автоэротическую автономию частей собственного тела. Встреча с зеркальным двойником приводит ребенка в восторг, а опыт «удвоения реальности» призван нейтрализовать угрожающий распад тела. Отождествляя себя с образом, приходящим извне, ребенок делает первый шаг к признанию себя – собственного я [moi]. Это признание приходит извне, и оно всегда должно будет приходить. Единство собственного я будет носить отпечаток воображаемого, иллюзорного единства, поддерживаемого челове-

ком на протяжении всей жизни. Признавая себя в других, человек будет радикально отчужден от себя в этой «объективирующей идентификации». Он будет вынужден соперничать со «своим» «собственным» образом.

ОБРЕТЕНИЕ СЕБЯ — ОТЧУЖДЕНИЕ ОТ СЕБЯ

ПОХОЖЕ,
У ВАС КОЕ-ЧЕГО
НЕ ХВАТАЕТ

Так я никогда не обретает прав на свое собственное я: свое я – не своя собственность. Свой собственный образ сконструирован вне себя. Собственный образ присвоен. Я отчуждено от себя. Так Нарцисс влюбился в свой собственный образ, приняв себя за другого.

Нарциссизм парадоксально хранит в себе образ другого и оказывается непреложным условием социализации. Лакан говорит: нарциссизм стадии зеркала – уже шаг к социализации. Фрейд объясняет нарциссический выбор объекта превращением агрессивности в любовь. Это превращение позволяет вытеснить агрессивность и вступить в социальные отношения. Спрятанные зубы агрессивности обусловливают связь с другим, предписывают возможность социальных уз.

Стадия зеркала сочетает в себе нарциссическую любовь и агрессивность. Между мной и другим всегда уже существуют трения: другой всегда притягивает и отталкивает меня своим образом. Более того, мое собственное я – не что иное, как другой; но оно же и чужое я, отчужденное от меня. Жак Лакан повторяет знаменитые слова Артюра Рембо: «Я – это другой». Отчуждение от себя есть результат включения в собственную психическую структуру внешнего. Так, в конечном итоге, внешними человеку и представляются социальные узы и культура.

Это двойственное отношение с образом другого, ко-

торый оказывается своим собственным образом; это двойственное отношение со своим образом, который обретается в образе другого наводит Лакана на мысль, что агрессивность содержится и в любви, и в ненависти. Агрессивность движет и филантропом, и хирургом, и идеалистом, и миротворцем, и педагогом.

Лакан подчеркивает зрительный, спекулярный аспект стадии зеркала. Зрение обретает первостепенное значение в субъективации, в отношениях с собой и другим. Даже теория, умозрение, спекуляция основывается на зрении. Захваченность, плененность образом другого, благодаря которой удается овладеть собственным телом, предполагает определенную цену: если мое собственное я занимает место другого, находится вместо другого, тогда понятно, почему я плачу, когда бьют другого; понятно, почему я хочу именно того, что хочет другой. Этот феномен совершенно очевиден у ребенка, нарциссизм которого неприкрыт.

Нарциссизм этой стадии состоит и в том, что форму этого образа Лакан предлагает называть идеальным я, идеал-я. Другой/я достоин любви, ведь в нем есть то, чего не хватает мне. Во мне – нехватка. В другом – единство, владение собой, свобода движения. Мой идеал – вне меня. Мой идеал смотрит на меня. И видит мою острую психическую недостаточность.

Так еще одно следствие стадии зеркала – явление взгляда другого, надзирающего за мной, всевидящего

ока. Собственное я выставлено напоказ. Оно под постоянным надзором. Этот взгляд мой вне меня. Взгляд незримо взирает извне.

Годы спустя, во время семинарских занятий февраля-марта 1964 года Лакан будет развивать оппозицию взгляда и глаза. Расщепление взгляда и глаза приводит к эффекту неудавшейся встречи, эффекту ускользающей реальности. Лакан скажет: то, на что направлен мой взгляд никогда не является тем, что я хочу видеть в Другом, из Другого; и, с другой стороны: ты никогда не глядишь на меня оттуда, откуда я на тебя смотрю.

История разделения акта смотрения в психоанализе на взгляд и глаз восходит к рыбалке, на которой Лакан оказался в студенческие годы. В одной лодке с ним среди рыбаков был некто Малыш Жан, который, указав на блестящую в воде на солнце пустую банку из-под сардин, сказал: «Видишь эту жестянку? Видишь? А вот она тебя не видит!» Лакан тогда подумал: если в том, что говорит Малыш Жан и есть какой-то смысл, то лишь потому, что каким-то образом банка все же смотрит. Как же она смотрит?

Лакан видит консервную банку потому, что она отражает свет. Банка, как и любой предмет, светит отраженным светом. Не Лакан каким-то образом высвечивает банку, но «сама» банка «светит» ему в глаз. Банка – источник света. Причем, банка посылает световые сигна-

лы, независимо от того, смотрит на нее Лакан, или нет. Взгляд банки предшествует смотрящему на нее глазу Лакана. Взгляд банки скрыт от глаза.

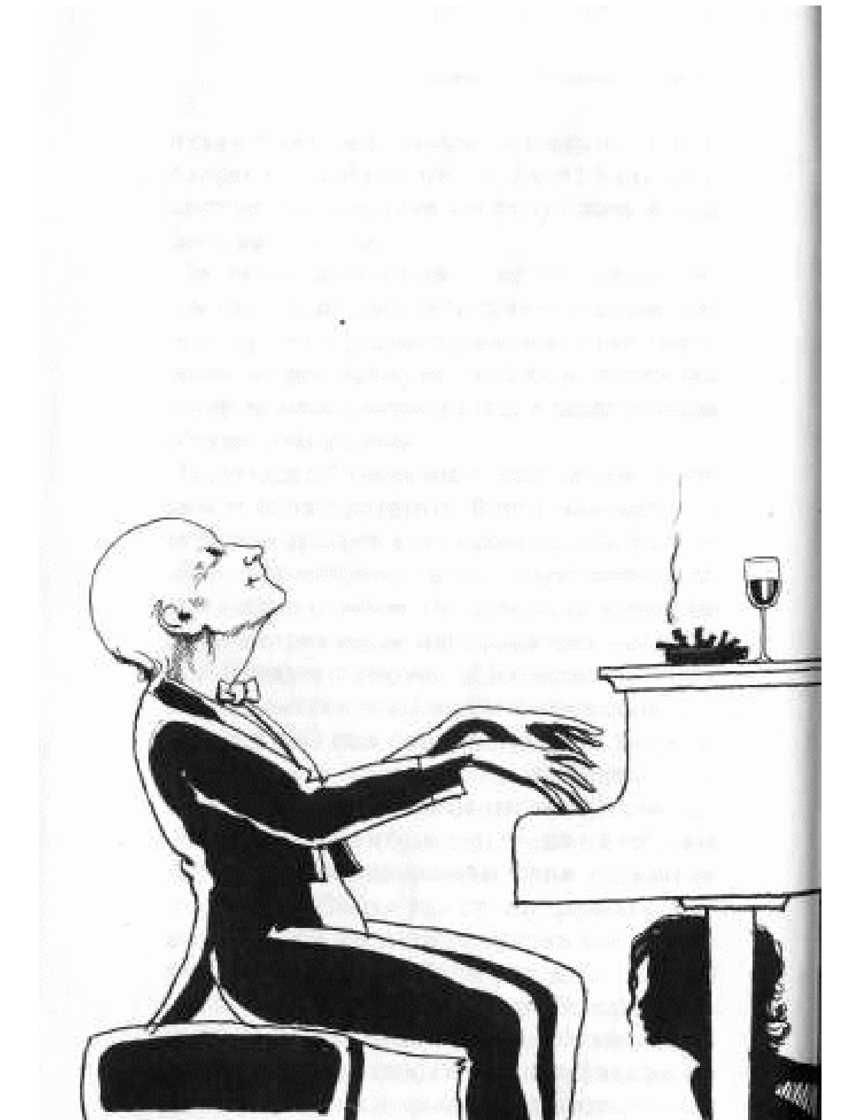
Так взгляд картины оказывается тем слепым пятном, которое нарушает ее прозрачность и привносит непреодолимый разрыв в отношения с ней. Невозможно увидеть картину из той точки, из которой она глядит на меня. Смотрящий глаз и взгляд роковым образом асимметричны.

Мы никогда себя не видим, и представление о себе зависит от взгляда другого. Взгляд оказывается не на стороне субъекта, а на стороне объекта. Взгляд – объект акта смотрения. Взгляд – объект зрительного, скопического влечения. Не проекция ли взгляд? Не становится ли внешний мир спроецированным взглядом? Взглядом постороннего? Взглядом потустороннего? Не смотрим ли мы по ту сторону реального?

17 июля 1949 года Лакан выступает на 16-м конгрессе в Цюрихе. Доклад его – новая версия «Стадии зеркала», которую он пытался изложить 13 лет назад. Именно эта версия и будет опубликована в собрании «Сочинений». Полное название статьи отражает ее содержание: «Стадия зеркала как формообразующая функция я, какой она раскрылась нам в психоаналитическом опыте». После того, как в 1936 году первая попытка представить стадию зеркала оказывается неудачной, Лакан, не дожидаясь завершения конгресса,

не отдав свою статью для публикации, отправляется в столицу германского фашизма, Берлин, на XI Олимпийские игры.

ПО ТУ СТОРОНУ РЕАЛЬНОСТИ

После посещения скандальной Олимпиады в Берлине Лакан возвращается в Париж и пишет программный текст «По ту сторону принципа реальности», в котором продолжает совмещение отдельных теоретических положений Валлона, Фрейда, Гегеля, Гуссерля, Сартра, Мерло-Понти. Эта статья станет основополагающей для самого Лакана. Он будет возвращаться к ней вновь и вновь. Не удивительно, ведь речь в ней идет о природе психоанализа, его границах, взаимоотношениях с другими дисциплинами.

Справедливы ли претензии психоанализа на собственную область знаний, независимую от позитивной науки? Можно ли изучать феномен человека, используя методологию, отличную от таковой традиционных наук? В чем особенность психоаналитического метода?

Фрейд вышел за пределы естественных наук и обнаружил ту область знания, которую впоследствии заняли гуманитарные науки. Его открытия позволили вырваться за пределы господствующей научной парадигмы. Лакан как будто предвидит в своей статье будущее торжество эго-психологии, в которой психоанализ растворится в допсихоаналитических представлениях, и человек вновь станет объектом естественнонаучного изучения. В том же 1936 году, когда появляется статья Лакана, выходит в свет книга Анны Фрейд «Эго и механизмы защиты», в которой речь практиче-

ски исключительно идет об эго. Через три года, основываясь на этой книге, Хайнц Хартманн напишет основополагающий для эго-психологии текст «Психология эго и проблема адаптации». Эго-психология станет не только основной версией американского «психоанализа», но и официальным «психоанализом» вообще, поскольку именно его будет исповедывать базирующаяся в Америке Международная психоаналитическая ассоциация. Учрежденная Фрейдом в 1910 году, эта организация через 30 лет предаст забвению целый ряд его принципиальных открытий. В отличие от эго-психологии, задача психоанализа, по Лакану, состоит не в том, чтобы создавать комфортные условия существования в реальности, а в том, чтобы задаваться вопросом о природе самой этой реальности. Реальность – не что-то объективное, к чему должно адаптироваться я. Реальность выглядит такой, какой мы ее себе представляем. Я – настолько же порождение реальности, насколько и реальность – порождение я.

Адаптация подразумевает возможность гармоничных отношений между внутренним и внешним миром. Биологическое понятие адаптации оказалось одним из центральных в эго-психологии, в которой невротические симптомы понимаются как дезадаптивное поведение. Лакану эта идея чужда уже в начале 1930-х годов.

Во-первых, адаптивная функция я, которую эго-пси-

хологи выводят из посреднической роли отведенной Фрейдом этой инстанции, не принимает в расчет той отчуждающей роли я, которая очевидна на стадии зеркала, когда я формируется. Реальность – проекция, воображаемая конструкция. И вопрос состоит не в приспособлении себя к реальности, а в осмыслении реальности. Задача психоанализа в том, чтобы вскрыть иллюзорный смысл адаптации.

Во-вторых, когда речь идет об адаптации, то предполагается, что эго-психолог, само собой разумеется, лучше адаптирован, чем его клиент. Эта приспособленность дает ему власть над пациентом. Так психоанализ превращается во внушение.

В-третьих, для психоаналитика субъект рождается в травмах, расщеплении, с биологической недостаточностью, и говорить о гармонии с природой или обществом применительно к человеку наивно. Акцент, поставленный эго-психологами на адаптации, указывает лишь на то, что сама эго-психология – инструмент социального контроля и конформизма.

«По ту сторону принципа реальности» – одна из первых статей, в которой подчеркивается первостепенная роль языка в психоанализе. Лакан подвергает критике традиционную психологию, основанную на позитивистской науке, и противопоставляет ей понятие производимого языком и в языке смысла, в том числе и смысла человеческого существования. Ведь одно из

революционных открытий Фрейда состояло в том, что истина субъекта обнаруживается в свободных ассоциациях. Речь всегда кому-то адресована, и даже если кажется, что говорится полная бессмыслица, в ней все равно содержится направленное сообщение.

Лакан пишет о дискурсе аналитика, того, кто «как полагается, знает». Психоаналитик не должен притворяться, что ему известна истина пациента. Аналитик занимает для пациента место Другого. Лакан обращается к принципу реальности, сформулированному Фрейдом в 1911 году. Что это за принцип? Что такое реальность? В начале XXI века эти вопросы звучат с куда большей остротой, чем когда-либо.

Лакан говорит: всякое признание, принятие или отрицание окружающего мира, происходящее благодаря собственному я, коренится в том единстве образа, который возникает вовне; мир берет свое начало на стадии зеркала в проекции себя в мир. Реальность окружающего мира зависит от реальности психической. И в свою очередь психическая реальность обретает единство на основе целостных форм окружающего мира.

Еще один очевидный вывод из позиции Лакана: истина, которая в естественных науках соотносится с неким объективным знанием, в психоанализе связана с психической реальностью, с тем, что является истиной субъекту. И здесь Лакан следует за Фрейдом. Ведь именно этот вывод становится в 1897 году основопо-

лагающим для учреждения психоанализа. В знаменитом письме Флиссу Фрейд пишет, что больше не верит в теорию материальной травмы, поскольку в бессознательном нет никаких указаний на реальность, и, значит, невозможно различить истину и вымысел. Факт желания настолько же реален для субъекта и психоанализа, насколько так называемый физический факт – для позитивистской науки и психологии. В поисках истины Лакан обращается к психоанализу и философии.

ЛАКАН
И ФИЛОСОФЫ

У Фрейда, как известно, с философией складывались весьма непростые амбивалентные отношения. С одной стороны, ему близки и Платон, и Эмпедокл, и Кант, и Ницше; с другой, – того же Ницше он обходит стороной, опасаясь обнаружить у него «свои собственные» открытия. Кроме того, Фрейд подвергает философию критике за систематизацию, граничащую с паранойяльным бредом, да и, конечно, за пренебрежение к бессознательному.

Несмотря на то, что у Лакана с философией складываются куда более близкие отношения, и здесь не все так просто. С одной стороны, Лакан, вслед за Фрейдом, противопоставляет психоанализ тотальным моделям философских систем, и связывает философию с властным дискурсом Господина, с другой стороны, отсылок к философам у него куда больше, чем у Фрейда. Лакан постоянно сопоставляет психоаналитический метод с диалогами Сократа, апеллируя к платоновскому «Пиру».

В своей теории субъекта Лакан во многом отталкивается от декартовского «мыслю, значит существую». Психоанализ подрывает эту формулу, указывая на то, что cogito лежит у истоков иллюзии, ведь я мыслю там, где я не есть, и, значит, я есть там, где я не мыслю. Мысль приходит мне в голову. Откуда? – Из другой сцены, – говорит Фрейд. Она приходит из разных сцен, из разных мест, – сказал бы Лакан. Мыслит не субъект,

мыслит другое место. И место это зависит от той ситуации, в которую попал субъект.

В начале 1930-х годов философский интерес Лакана не ограничивается Спинозой и Декартом. Ему важна и современная философия. Его привлекают и Ясперс, и Гуссерль. В своих статьях он не просто обращается к феноменологии, но в 1936 году даже представляет «феноменологическое описание психоаналитического опыта». Впоследствии отношение Лакана к феноменологии станет критическим. Отдельную статью он посвятит анализу «Феноменологии восприятия» Мерло-Понти.

Постепенно в поле зрения Лакана попадают феноменология Хайдеггера, а также Маркс и Гегель. От монизма Спинозы, в котором личность предстает как единство, заключающее в себе и норму, и патологию, он обращается к монизму гегелевскому, в котором место личности занимает самосознание. Гегель поздно проникает во Францию – после Гуссерля, после Хайдеггера. Гегель – современник Лакана. Важно и то, что Гегель приходит во Францию в весьма оригинальной интерпретации Кожева. Родившийся в Москве, Александр Кожевников – племянник того самого Виктора Хрисанфовича Кандинского, исследователя псевдогаллюцинаций, который параллельно учителю Лакана, Клерамбо, описал синдром психического автоматизма. Кожевников учился в Гейдельберге у Ясперса,

а с 1926 переселился в Париж.

С 1933 года в течение шести лет по понедельникам в 17.30 начинались лекции Кожева по «Феноменологии духа». Лакан посещает их с 1934 года. Они даже собирались написать вместе статью «Гегель и Фрейд: опыт сравнительного анализа». Лакан свою часть так и не написал, зато Кожев посвятил введению в проблему развития самосознания свои пятнадцать страниц, на которых сравнил когито Декарта с самосознанием Гегеля и показал, что философия – это по сути дела желание философствовать. «Мыслю» Декарта превращается в «желаю» Гегеля. Кожев формулирует три важнейших понятия, которыми активно будет пользоваться Лакан: я [je] как субъект желания; желание как доказательство объективности бытия; собственное я [moi] как источник заблуждения и самообмана.

Кожев анализирует всю гегелевскую систему в терминах диалектики Раба и Господина. Гегель Кожева говорит: когда я хочу удостовериться в собственном существовании, я должен признать, что обязан им другому. Чтобы жить, я нуждаюсь в признании Другого. По Гегелю, каждый индивид сначала враждебен другому как препятствию на пути его овладения миром и требует от другого признания. Борьба за признание идет не на жизнь, а на смерть. Подчинившийся под угрозой смерти – раб. Получивший признание – господин. Господин, зависящий от признания раба. Кто чей госпо-

дин?

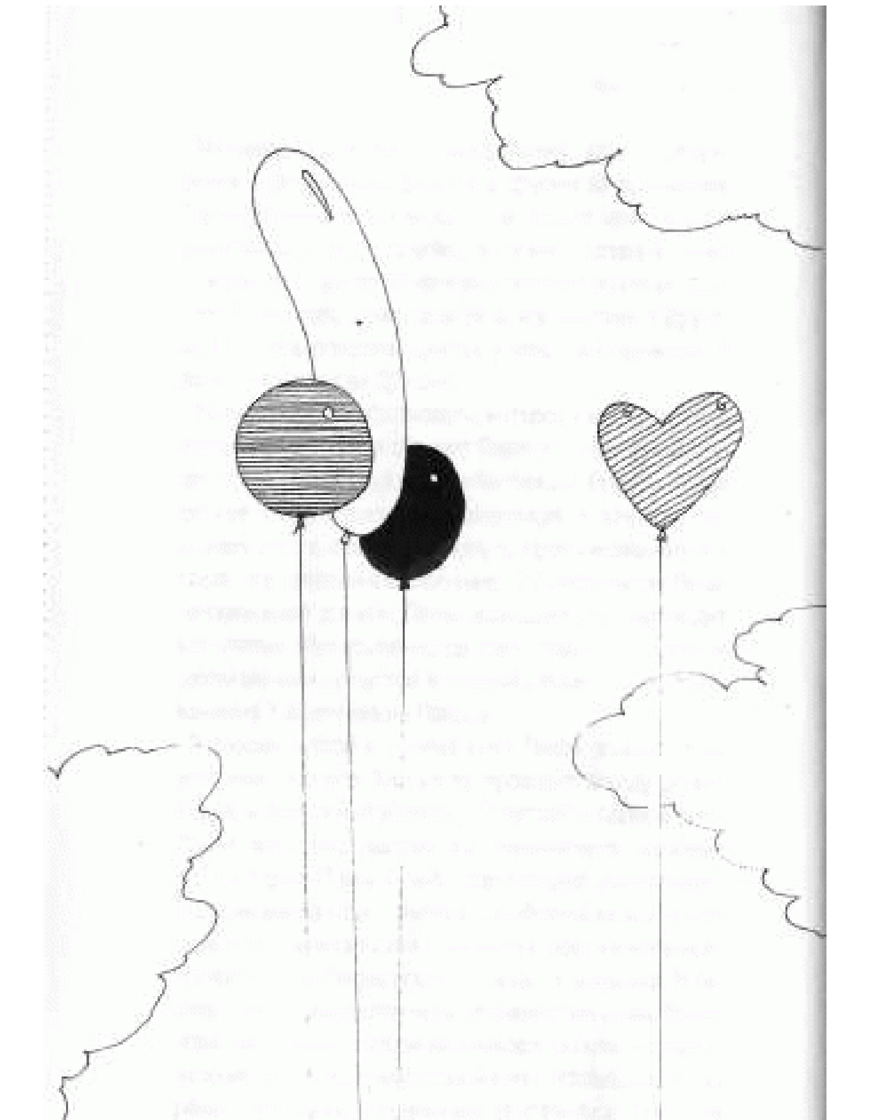
Желание, сознание, самосознание, страх, отчуждение – результаты борьбы с другим за признание. Лакан развивает эту мысль: не только мое существование зависит от другого, но и мое желание также рождается в другом. Я присваиваю себе желание другого. Более того, даже свою речь я заимствую у Другого. Моя речь рождена другим, у него я ей научился. Я пользуюсь языком Другого.

Желание философствовать, интерес к языку, поэзии, поиск истины в речи сблизит Лакана с еще одним философом, Хайдеггером. В «Инстанции буквы» Лакан скажет: когда я говорю о Хайдеггере, а точнее – перевожу его, я стараюсь вернуть произнесенному им слову его суверенное значение. С Хайдеггером Лакана связывает дружба. Лакан навещает его, переводит его статьи. Метафизические рассуждения о бытии и различие между пустой и полной речью – очевидное влияние Хайдеггера на Лакана.

В теории пустой и полной речи Лакан опирается на различие, которое Хайдеггер проводит между речью [Rede] и болтовней [Gerede]. О пустой и полной речи Лакан подробно говорит на семинарских занятиях 1953-4 годов. Полная речь формулирует символическое измерение языка, пустая – воображаемое. Полная речь наполнена смыслом. Лакан называет ее истинной, поскольку она ближе всего подходит к жела-

нию. В пустой речи субъект отчужден от своего желания. Таким образом, задача психоаналитической работы – создать условия для появления полной речи. Установить связь речи с желанием, независимо от структуры субъекта – невротической, психотической или перверсивной.

НЕВРОЗ, ПСИХОЗ, ПЕРВЕРСИЯ

Нозология Лакана выглядит просто: невроз, психоз, перверсия. Причем в каждом из этих случаев речь идет не о наборе тех или иных симптомов, не о диагнозе, но о клинической структуре психики. Тремя структурами дело и ограничивается. Нет психической структуры, которую можно квалифицировать как «психически здоровую», «нормальную». «Нормальность», по Лакану, – верх психопатологии, поскольку она неизлечима. Если Фрейд полагал, что невротика можно превратить в обычного несчастного человека, то для Лакана, невроз – структура, не подлежащая изменению; и цель психоаналитической работы – не устранение невроза, а изменение отношения субъекта к своему неврозу, себе самому, своей истории.

В статье 1957 года «Инстанция буквы» Лакан говорит: невроз – не что иное, как вопрос, который бытие задает субъекту оттуда, где оно было прежде, чем субъект пришел в мир. На семинарских занятиях середины 1950-х годов Лакан вновь подчеркивает, – невроз это по сути дела вопрос, который задает субъекту бытие. Две формы невроза – два экзистенциальных вопроса. Вопрос истерии относится к полоролевой идентичности: «кто я, мужчина, или женщина?»

Вопрос невротика с навязчивостями – вопрос о существовании: «быть или не быть?»

Лакана, конечно, волнуют не только неврозы, ведь именно изучение психоза привело его к психоанали-

зу. Лакан занимается психозами всю свою творческую жизнь. Соглашаясь с Фрейдом, что паранойя – парадигма психоза, Лакан рассматривает историю болезни Шребера с точки зрения истории исключения в бессознательном отцовской функции. Функцию эту Лакан называет Именем Отца. Имя это отсутствует в «Мемуарах нервнобольного» Шребера.

Даниель Пауль Шребер – председатель апелляционного суда города Дрездена, кандидат в депутаты Рейхстага. В 1884 году у него стал проявляться бред преследования. В 1893 году этот бред разворачивается в систему особых отношений с Богом. Чтобы спасти человечество, Шребер должен превратиться в женщину и связать себя с Ним брачными узами. С 1900 по 1902 год он описывает свои состояния. В 1903 «Мемуары нервнобольного» выходят в свет.

В 1911 году Фрейд публикует «Психоаналитические заметки об одном описанном в автобиографии случае паранойи». Главный герой анализа – Шребер. В 1932 году Мари Бонапарт и Рудольф Лёвенштейн переводят воспоминания Шребера на французский язык. Лакан посвящает психозам и Шреберу семинарские занятия 1955/56 годов. Лакан доказывает: психоз развился у Шребера в результате невозможности осуществить желание иметь ребенка, а также в связи с его избранием на ответственный пост. И в том, и в другом случае перед Шребером встал вопрос отцовства. Он был

вынужден призвать в свою символическую структуру Имя-Отца. Имени этого не было. Оно было отвергнуто еще до своего возможного появления.

Психотическая структура субъекта определяется Лаканом через механизм психической защиты, который Фрейд назвал отвержением [Verwerfung] и который Лакан переводит на французский язык редким словом форклюзия. Этот механизм психической защиты подразумевает, что Имя-Отца отброшено за пределы символического порядка, точнее, что Оно никогда не было в этот порядок интегрировано (поэтому один из переводов этого понятия на русский язык-предызъятие). Речь идет о нехватке отцовской функции, о том, что отцовская функция сводится к образу отца, но не к имени его символического закона.

Если учесть, что бессознательное структурировано как язык, что оно – прерогатива говорящих существ, то неудивительно и определение психоза как одного из расстройств речи. Это близко представлениям Фрейда, высказанным в 1891 году в книге об афазиях. В 1956 году Лакан относит эти речевые расстройства к нехватке у психотика достаточного числа пунктов пристегивания. Пункты пристегивания – места скрепления означающих с означаемыми, точнее – с полем значений. Скольжение означаемых под означающими приостанавливается у невротика именно в этих точках. Нехватка этих точек у психотика предопределена отсут-

ствием Имени-Отца. Это отсутствие и приводит к невозможности приостановить скольжение означаемых, что приводит к катастрофе означения.

Если невротик живет в языке, то психотик живет языком.

В 1970-е годы Лакан формулирует психоз как распад топики. Три кольца психического аппарата – символическое, воображаемое, реальное – разъединены, не связаны друг с другом. Такого разрыва связи не происходит ни при неврозе, ни при перверсии. Если невроз традиционно связан с механизмом вытеснения, психоз – с отвержением, то перверсия – с отказом признать существование некоего «факта» в реальности, в частности факта кастрации. Основополагающая статья на эту тему, «Фетишизм», была написана Фрейдом в 1927 году. Фетишизм – образец перверсии. Проблема перверсии состоит в постижении того, как ребенок в его отношении с матерью отождествляется с объектом ее желания – фетишизируемым и замещаемым фаллосом. Перверсия, для Лакана, – еще одна клиническая структура психики. Перверсия – не девиантное поведение.

С другой стороны, Лакан определяет перверсию через влечение. В перверсии субъект превращается в объект влечения. Например, указывает Лакан на семинарских занятиях 1964 года, при эксгибиционизме/вуайеризме субъект становится объектом зрительного влечения, при садизме/мазохизме – влечения го-

лосового. Более того, так называемый извращенец устремлен по ту сторону принципа удовольствия, к пределу наслаждения. Если невроз характеризуется вопросом, то перверсия – отсутствием такового. Извращенец не сомневается в том, что служит наслаждению Другого. Такова структура эдиповых отношений.

ЭДИП
И СТРУКТУРЫ
РОДСТВА

В 1949 году Лакан знакомится в доме Александра Койре, философа науки и ученика Гуссерля, с этнологом-структуралистом Клодом Леви-Стросом. Любовь к искусству и науке сближает двух мыслителей. Леви-Строс – один из отцов-родоначальников структурализма. Повальное увлечение структурами через двадцать лет зайдет настолько далеко, что во времена майской революции 1968 года кто-то напишет на доске одной из аудиторий Сорбонны: «Структуры не выходят на улицы». Мишель Фуко возразит: как раз структуры и выходят! Леви-Строс, впрочем, сосредоточен не столько на современных ему структурах, сколько на тех бессознательных социальных законах, которые регулируют брачные узы и родство в первобытных сообществах. Причем эти бессознательные законы действуют подобно языку, в который рождается субъект. Основа структурной антропологии – структурная лингвистика, смещающая акцент с сознательных феноменов на изучение бессознательных инфраструктур.

В том же 1949 году в интеллектуальной жизни Франции происходит знаменательное событие – в свет выходят «Элементарные структуры родства». В этой книге Леви-Строс описывает работу бессознательных механизмов организации социума. В статье, посвященной Марселю Моссу, Клод Леви-Строс пишет, что так называемое бессознательное может быть пустым местом, в котором совершается автономия символиче-

ской функции: символы реальнее того, что они символизируют, означающее предшествует и определяет означаемое. Лакан потрясен мыслью Леви-Строса. На основании структурной этнологии переосмысливает он ключевую в психоанализе фигуру – Эдипа.

В этой фигуре отныне для Лакана сходится табу инцеста Фрейда с символической функцией как законом бессознательной организации человеческого общества. Запрет на инцест, в понимании Леви-Строса, означает переход от природы к культуре, подчинение символическому закону отца. Теперь эдипов комплекс представляет собой явление фрейдовского запрещающего инцест отца и символической функции как закона бессознательной организации человеческого общества. Лакан говорит об эдиповом периоде как о переходе не от природы к культуре, а от воображаемого к символическому. 22 января 1958 года он анализирует этот переход, исходя из трех времен эдипова комплекса. Причем под временами Лакан подразумевает не столько хронологическую последовательность, сколько определенные метки.

Первый раз эдипов комплекс характеризуется воображаемым треугольником мать-дитя-фаллос. На семинарских занятиях сезона 1956/57 годов. Лакан утверждает: чисто воображаемых отношений мать-дитя не существует. Они всегда уже погружены в символическую вселенную. Нет гармоничных симбиотиче-

ских уз. Отношения мать-дитя – разнородная сфера, в которой царит постоянное напряжение. Более того, диадных отношений мать-и-дитя вообще не существует. В них всегда задействован третий объект, на который направлено желание матери. Ее желание не ограничено ребенком. Оно выходит за его пределы. Оно направлено на какой-то Другой Объект.

Лакан говорит об эдиповом комплексе до Эдипа, указывая на предшествующее появлению отца функционирование фаллоса. Другой Объект – Воображаемый Фаллос. Он действует как воображаемый отец. Это доэдипальное время Эдипа характеризуется обоюдной нехваткой: неполнотой матери, о которой свидетельствует наличие у нее желания как такового, и неполнотой ребенка, неспособного удовлетворить ее желание. Воображаемый фаллос и представляет эту нехватку. Один из выходов из складывающейся ситуации – отождествление с объектом желаниям матери, с фаллосом. Тем самым ребенок может сохранить удовлетворение своего собственного желания быть исключительным объектом желания матери. Фигура отца не только предстает в фаллосе, но и в матери, поскольку она в это время – всемогущая мать, чье желание – закон. Как сказал бы Фрейд, мать в это время – фаллическая. Мать характеризуется и неполнотой, и всемогуществом. И беспомощное дитя не в силах заполнить эту неполноту. Разрешение столь пугающей ситуации

приходит с явлением отца.

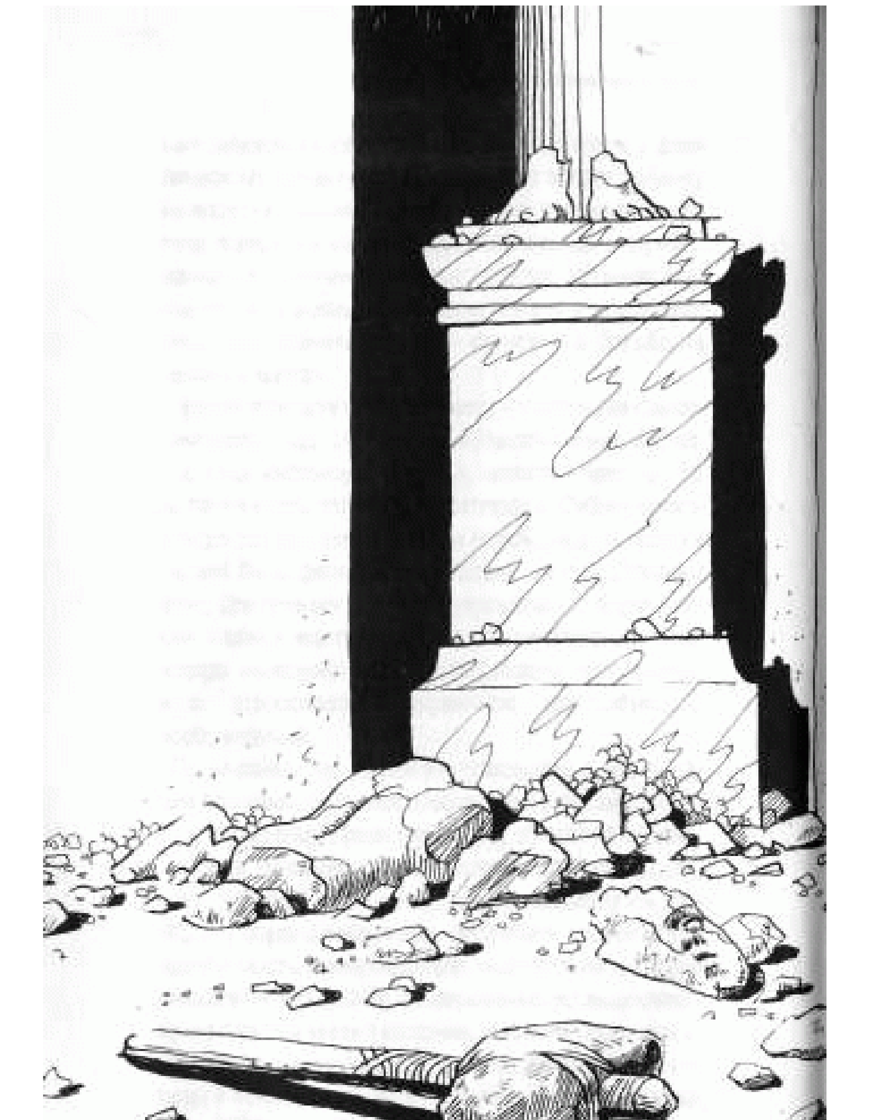
Второй раз эдипов комплекс отмечен появлением воображаемого отца. Этот отец налагает закон на материнское желание, отказывая ей в доступе к фаллическому объекту, и устанавливает запрет ребенку на инцест-желания. Лакан описывает этот эпизод эдипова комплекса как кастрацию матери. Он отмечает: важно не появление реального отца, устанавливающего свой закон, а уважение матери к его закону. Отец для ребенка теперь – соперник в борьбе за желание матери.

Третий этап эдипова комплекса – появление символического отца. Неразменный, неотъемлемый фаллос отца кастрирует ребенка, налагает вето на его желание стать для матери фаллосом. Субъект освобождается от невозможной и порождающей тревогу задачи быть фаллосом, поскольку им уже обладает отец. Достаточно идентифицироваться с фаллическим отцом, с его господствующим означающим. Благодаря символической идентификации преодолевается агрессивность первичной идентификации воображаемой.

Подчеркивая то, что все эти процедуры субъективации все равно не имеют отношения к (невозможному) реальному отцу, Лакан говорит не об отце, а об Имени-Отца. На семинарских занятиях посвященных психозу, в 1955/56 годов. Имя Отца описывается как господствующее означающее, дарующее субъекту его идентичность, именующее его, наделяющее местом в

символической цепи и одновременно устанавливающее запрет на инцест-желание. В Имени Отца – носитель символической функции, отождествляющей его лицо с Законом. Впервые об Имени Отца Лакан говорит в 1953 году в Риме.

РИМ

Подобно Фрейду, Лакан страстно любил Рим и постоянно возвращался в Вечный Город. Именно здесь выносит он на суд публики свою топику – символическое, воображаемое, реальное. Именно в этом городе обращается он в связи с психоанализом к детальному исследованию языка и речи. Именно в этом месте ставит он акцент на изучении формальных структур.

26 сентября 1953 года на съезде романоязычных психоаналитиков Лакан представляет свою программную «Римскую речь» – «Функция и поле речи и языка в психоанализе». Одна из движущих сил лаканов-ского-манифеста-забвениеоснований психоанализа, вытеснение в психоаналитической среде того факта, что со времен Фрейда единственным инструментом и уникальным материалом психоаналитической работы была речь. Вместе с вытеснением речи исчезает из этой работы и анализ бессознательного, и сексуальности, а их место занимает вопрос адаптации индивида к социуму, поиск моделей поведения человека, так называемый human engineering. Так Лакан в очередной раз резко противопоставляет фрейдовский психоанализ американской эго-психологии.

Парадокс «Римской речи» заключается в том, что эта речь Лакана о речи так никогда и не стала, собственно говоря, речью. Для него это исключительный случай, когда речь заранее написана и роздана участникам конгресса. Будучи вице-президентом Парижско-

го психоаналитического общества, Лакан должен был выступить с теоретическим докладом в Риме, но перед самым конгрессом общество раскололось на сторонников официальной линии Международной психоаналитической ассоциации и сторонников Лакана. Руководящие Обществом приверженцы МПА воспрепятствовали выступлению своего противника в Риме.

Таким образом «Римская речь» знаменует еще и исторический разрыв Лакана с официальным психоанализом, начало формирования его собственной школы. Парижское психоаналитическое общество стало для него одновременно и безнадежно консервативным, и отошедшим от фундаментальных положений теории Фрейда. Лакан не мог оставаться с теми, кто пошел путем американской эго-психологии, кто вместо анализа бессознательного занялся изучением функций я, кто предался социальному конформизму, кто предал завет Фрейда – психоанализ всегда находится в оппозиции к господствующей культуре.

Лакан начинает «речь» с жесткой критики так называемых воображаемых психоаналитических отношений, то есть отношений, расположенных на оси «эго пациента < – » эго психоаналитика», отношений, положенных в основу эго-психологической адаптации клиента. Он критикует взаимоотношения, ведущие к царящей на психоаналитических сеансах пустой речи и фантазматическому взаимодействию. Речь, свобод-

ные ассоциации, осмысление прошлого, проработка структур памяти – все оказалось практически вытесненным из психоанализа, хотя именно эти процедуры были со времен его возникновения основополагающими. Психоанализ остался без психоанализа.

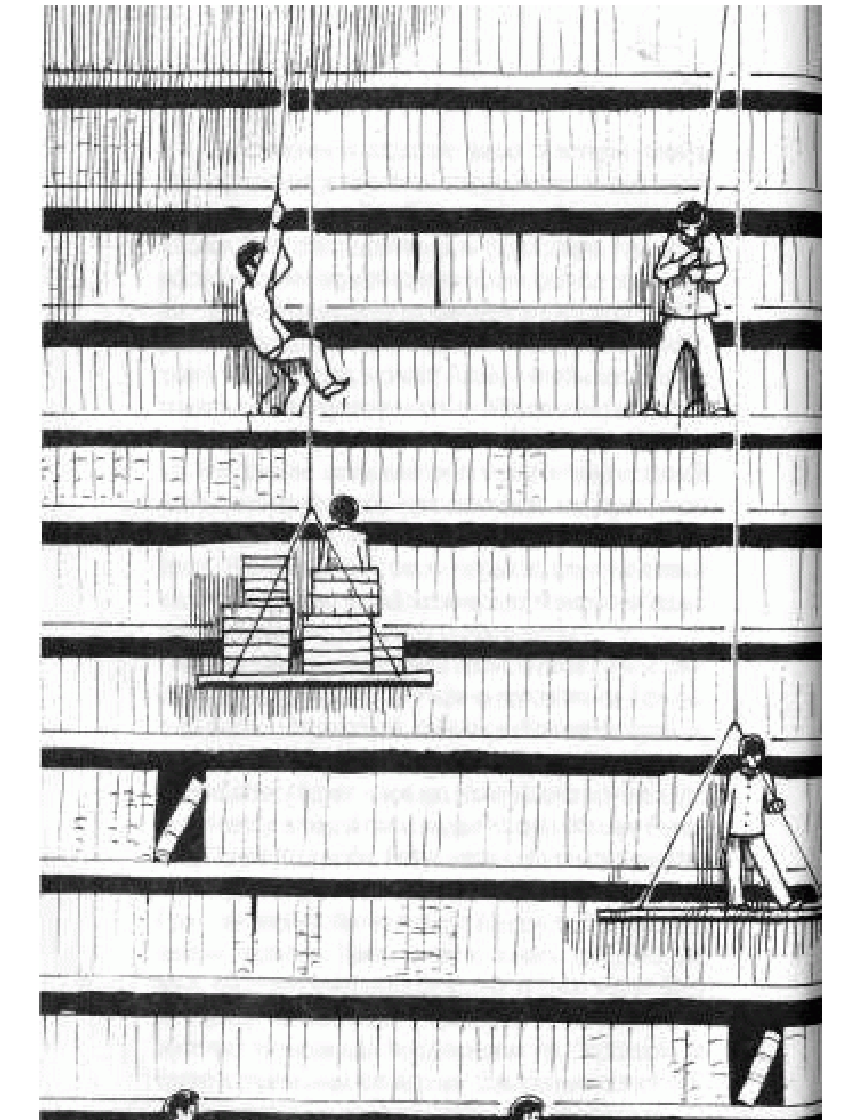
Лакан ищет субъекта полной речи, который и «есть» субъект бессознательного, бессознательный субъект, выговаривающийся в остротах, сновидениях, оговорках. Бессознательное, – говорит Фрейд, – это другая сцена, с которой в формулировке Лакана и звучит дискурс Другого. Бессознательное – та часть речи, дискурса, которой не достает субъекту для восстановления непрерывности его сознательного дискурса. Субъект конституирован бессознательным, – говорит Фрейд. Субъект конституирован символическим порядком, – добавляет Лакан. Именно в слове творится истина.

Чтобы речь субъекта в психоанализе освободилась от симптомов, она должна попасть в поле языка желания. Этот язык говорит симптомами. Со времен Фрейда известно, – симптом целиком разрешается в анализе языка, потому что и сам он структурирован как язык. Симптом, уточняет Лакан, – язык, из которого должна быть высвобождена речь. Эта речь формулирует историю человека. То, что субъект постигает как бессознательное – его история. Итак, цель психоанализа – появление истинной речи и осознание субъектом своей истории.

Полная речь дается нелегко. Психоаналитическая работа продвигается сквозь фрустрацию, агрессивность, регрессию. Фрустрация, т. е. буквально отказ коренится в самом дискурсе субъекта и в образе его. В образе его эго. Собственное я содержит отказ в истории своего происхождения, в той самой стадии зеркала, на которой это эго и возникает. В собственном я субъект отчужден от себя. Этот отказ в себе и есть фрустрация. Агрессивность во время психоаналитического сеанса возникает как ответная реакция на разбивание иллюзорного воображаемого единства «собственного» я. Искусство аналитика в том и состоит, – пишет Лакан, – чтобы постепенно лишить субъекта уверенности в себе, пока не рассеются последние призраки этой иллюзии. Задача психоанализа, тем самым, оказывается прямо противоположной мерам эго-психологии, направленным на укрепление эго, на присвоение клиентом стойкого эго «психоаналитика». Эго-психология, таким образом, априори ставит «психоаналитика» в нарциссическую позицию обладателя стабильного, хорошего, целостного эго. Интерес же психоаналитика лежит в поле речи и языка. Интерес Лакана к языку и речи проявляется в страстной любви к литературе, причем, в отличие от Фрейда, уже не только к литературе классической. В юности он регулярно посещает книжную лавку «Шекспир и ко.», где встречается с писателями Андре Жидом, Жю-

лем Роменом, Полем Клоделем. Его увлекает творчество писателей-сюрреалистов. Его манят эксперименты Джойса. При всей этой любви интерес к языку носит и теоретический характер. Лакан должен понять, как работает язык, как структурировано бессознательное, и для этого он обращается не только к Фрейду, но и к основам лингвистики, заложенным Фердинандом де Соссюром, а также к различным открытиям, сделанным в этой области Эмилем Бенвенистом и Романом Якобсоном.

РИТОРИЧЕСКИЕ АФАЗИИ ЯКОБСОНА

Когда в Париж из Нью-Йорка приезжает знаменитый лингвист Роман Якобсон, останавливается он у своего друга Клода Леви-Строса. Не удивительно, что однажды Лакан и Якобсон встретились и сблизились. Объединил их интерес к языку и структурному анализу. Особый акцент на структурах Лакан поставит в 1960-е годы, когда его дискурс будет претерпевать очередные трансформации, когда место рассуждения, по крайней мере отчасти, займет формула, место иллюстративного примера – лозунг, а место довода – неологизм.

Лакан не просто обязан рядом своих идей Якобсону. Лакан считает, что теории Якобсона могут оказать помощь вообще любому аналитику в структурировании его собственного опыта. Если в начале 1950-х годов Лакан применял к открытию Фрейда теории Леви-Строса, то в конце десятилетия к ним добавляется Якобсон.

Роман Осипович Якобсон повлиял на очень многих мыслителей XX века, в том числе и на Леви-Строса, который использовал структурную лингвистику в качестве своего рода периодической таблицы для анализа всех социальных отношений.

Он же указал Лакану на возможность использования такой парадигмы для обнаружения универсальных законов, регулирующих бессознательную активность психики.

Среди множества вопросов, которые занимали

Якобсона, был и такой: как ребенок научается языку. Якобсон отмечает: родной язык поначалу воспринимается как иностранный. Этому иностранцу ребенок оказывает достойное сопротивление. Он не только овладевает этим инструментом, но и коверкает его, создает свой контрязык. Пережить подобный опыт может каждый взрослый, оказавшийся в стране, в которой он не понимает ни слова. Эти соображения приводят Лакана впоследствии к одной из самых значимых его формул: с момента рождения ребенок погружается в язык.

Когда Лакан знакомится с Якобсоном, и того, и другого занимают речевые расстройства, афазии. Кстати, и Фрейд, прежде чем прийти к психоанализу, исследовал эти расстройства и написал книгу «К пониманию афазий», которая вышла в свет в 1891 году. В статье 1954 года «Два вида афатичес-ких нарушений и два полюса языка» Якобсон пишет, что в речи человек осуществляет две основные операции – селекцию и комбинацию языковых единиц. Причем Якобсон указывает на отсутствие полной свободы говорящего в отношении селекции и комбинации слов, поскольку лексическим хранилищем должны владеть оба – говорящий и его адресат. Тем самым, косвенно Якобсон подчеркивает важную для Лакана мысль: речь всегда к кому-то обращена, говорящий всегда адресует ее другому.

Исходя из этих двух структурных операций и возникает два типа афатических расстройств: у одних афа-

тиков нарушаются отношения сходства, то есть у них нарушен выбор; другим не удается установить отношения смежности, выстраивающие комбинации из выбранных элементов языка. Следующий шаг Якобсона – соотнесение этих основных операций и афазий с риторическими тропами, метафорой и метонимией. Он пишет: метафора является чужеродным элементом при нарушении отношения сходства, при нарушении же отношения смежности исчезает метонимия.

В конце статьи Якобсон фактически обращается к бессознательному со ссылкой на «Толкование сновидений» Фрейда. Он пишет: конкуренция между селекцией и комбинацией проявляется практически в любом процессе символизации. Так, например, при исследовании структуры слов решающим вопросом является то, как построены используемые символы и временные последовательности, на отношениях смежности («метонимическое смещение» и «синекдохическая конденсация» у Фрейда), или на отношениях сходства («тождество и символизм» у Фрейда).

В 1957 году Лакан пересматривает это сопоставление Якобсона и соотносит связь по смежности, метонимию с фрейдовским смещением, а связь по сходству, метафору – со сгущением. Формула метонимии, по Лакану, – слово в слово; формула метафоры – слова за слово. Искажение – смещение и сгущение Фрейда – Лакан переводит как скольжение означаемого над

означающим. Один из очевидных выводов из такого соотнесения, перевода: бессознательное оперирует риторическими тропами. Иначе говоря: бессознательное структурировано как язык. Бессознательное структурировано как язык, в котором я – шифтер, переключатель. Лакан, между тем, не останавливается на соотнесении механизмов работы бессознательного со структурными операциями языка. Он говорит: желание человека – метонимия, симптом – метафора. Причем, убеждает он слушателей, слова «симптом есть метафора» сами метафорой не являются, и желание – на самом деле метонимия, ведь оно действительно пребывает в непрерывном смещении. К этим мыслям Лакан приходит на основании изучения Фрейдом и Якобсоном речевых расстройств, афазий. Статья Якобсона о двух видах афатических нарушений и двух полюсах языка выходит в свет в 1956 году, затем в несколько отредактированном виде – в 1957 году. Выходит она с посвящением Раймону де Соссюру. С этим психоаналитиком, сыном Фердинанда де Соссюра Якобсон встречается в Нью-Йорке, куда переезжает из-за распространяющегося по Европе фашизма. Раймон де Соссюр не мог не привлечь внимания Якобсона, ведь его как раз интересует и лингвистика, и психоанализ, и особенно – отношения между ними.

ПОД ЗНАКОМ ДЕ СОССЮРА

А ТЕПЕРЬ НЕСКОЛЬКО ЧИСТО СИМВОЛИЧЕСКИХ НАДРЕЗОВ

Удивительно, но Зигмунд Фрейд, прекрасно понимая значение языка в психоанализе, проявляя устойчивый интерес к наукам о языке, занимаясь проблемами расстройств речи еще в допсихоаналитический период, не обратился к «Курсу общей лингвистики» Фердинанда де Соссюра, вышедшему в свет в 1916 году. Это еще более странно потому, что сын Фердинанда де Соссюра, Раймон де Соссюр – психоаналитик, который прошел аналитическую подготовку на знаменитой кушетке Зигмунда Фрейда. Более того, сам Фрейд написал введение к его книге 1922 года «Психоаналитический метод». Лакан, можно сказать, восполняет этот пробел. 9 мая 1957 году он выступает в амфитеатре Декарта в Сорбонне с докладом «Инстанция буквы в бессознательном, или судьба разума после Фрейда». Этот программный текст являет собой итог очередного прочтения де Соссюра и общения с Якобсоном. В «Инстанции буквы» Лакан формулирует следующие тезисы: бессознательное структурировано как язык; бессознательное – дискурс Другого; симптом организован структурой языка; симптом – метафора, желание – метонимия. Таким образом, Лакан обращается к де Соссюру, Якобсону и Фрейду, чтобы в очередной раз подчеркнуть: никогда в психоанализе речь не шла о бессознательном как о резервуаре влечений, или хуже того инстинктов. Открытие Фрейда состояло как раз в том, что бессознательное – неосознаваемые представле-

ния, что бессознательное высказывает субъекта в свободных ассоциациях. Субъект выговаривается, проговаривается. И, тем самым, он оказывается производным языка, лингвистического знака, буквы. О букве, букве дискурса, – говорит Лакан, – речь идет на каждой странице «Толкования сновидений» Фрейда. Буква это иероглиф, идеограмма. Буква, по Лакану, – тот материальный носитель, который каждый говорящий заимствует в языке. Своим телом ребенок на определенной стадии своего развития входит в предсуществующий ему язык, в систему знаков.

В докладе «Инстанция буквы» Лакан по-новому осмысляет понятие знак из «Курса общей лингвистики». Языковый знак де Соссюра – двусторонний психический феномен, оба элемента которого теснейшим образом связаны между собой и предполагают друг друга. Одна сторона знака – понятие, другая – акустический образ. Фердинанд де Соссюр называет их означаемое (понятие) и означающее (акустический образ). Эти два элемента связаны между собой теснейшим образом. Как две стороны одного листа. Однако, отмечает де Соссюр, связь эта – произвольна, означающее немотивировано по отношению к означаемому.

Лакан производит дальнейшую автономизацию означающего. Если де Соссюр, утверждая произвольность соединения означающего с означаемым, все же настаивает на их связи, на значении, возникающем в

этой связи, то в толковании знака Лаканом означающее не обладает открытым доступом к означаемому. Главное в знаке, по Лакану, – не означающее и не означаемое, а черта между ними. Эта разделительная черта – цензура, оказывающая сопротивление доступу означающего к означаемому. Видна лишь одна сторона листа. Формула Лакана – формула не отношений двух составляющих знака, а их разделенности. Доступно лишь означающее. Причем, означающее это не только акустический, но и визуальный образ. Означающее указывает не на означаемое, а на другие означающие, обнаруживаемые в последовательности, в цепи. Из этих соображений вытекает еще одна знаменитая лака-новская формула: означающее представляет не что-то чему-то, не означаемое кому-то, а субъекта другому означающему. Логика означающего – скольжение от означающему к означающему, от слова к слову. Логика означающего это логика желания, и риторический троп желания – метонимия. Метафора же – замещение одного означающего другим. Эта логика объясняет несовпадение субъекта с самим собой, то есть совпадение означающего с означаемым.

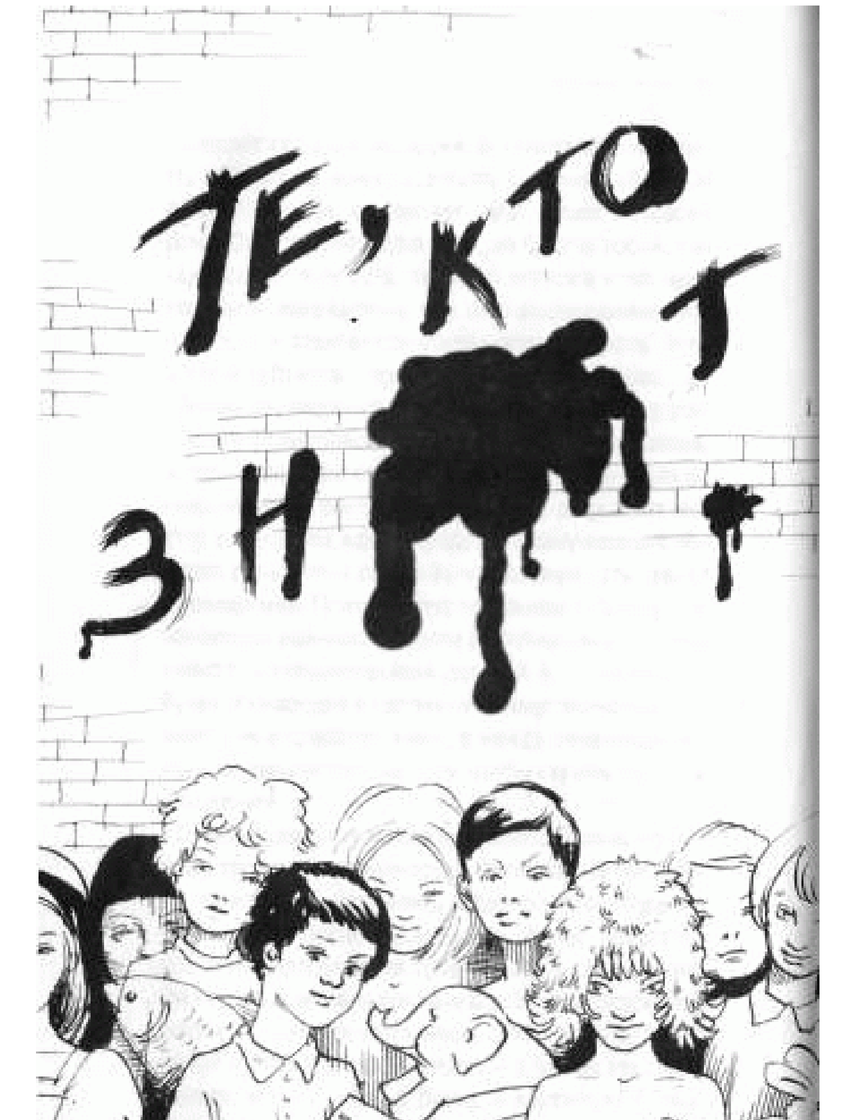
Поскольку субъект входит в бытие благодаря языку, то есть в качестве представленного в языке, он в момент своего рождения незамедлительно исчезает под означающими. В качестве говорящего, субъект не может совпасть с самим собой. Он говорит о себе, он

делает себя объектом своей речи. Субъект говорит о себе, не будучи собой. Лакан говорит: я не есть там, где я игрушка моей мысли. Меня означаемого нет. Это расхождение, эта пропасть и становится основанием субъекта. Фундамент субъекта – пробел в цепи означающих.

Лакан переворачивает все общепринятые, в том числе и структуралистские представления о знаке, которые заключаются в следующем: означаемое предшествует означающему; слово открывает доступ к значению; язык-средство коммуникации; человек пользуется словами, чтобы передать смысл и намерения. Психоанализ показывает Лакану: означающее возникает вместе с означаемым, точнее, вместе с исчезновением доступа к означаемому; буква производит в человеке истину; значение возникает не в пределах знака, а между означающими; язык используется для того, чтобы скрыть смысл и намерения.

Такого рода диспозиция позволяет Лакану по-новому толковать клинический материал. В частности, по-новому расставить акценты в толковании сновидений. Лакан уделяет еще более пристальное внимание деталям проявленного содержания. Он не занимается поиском некоего скрытого содержания, некоего таинственного означаемого. Тайна лежит на поверхности. Истина – в самом тексте, в словах, между ними, в букве, в инстанции буквы. Истина между языком и речью.

ПЕРЕД СТЕНОЙ ЯЗЫКА

ТЕ, КТО
ЗН Т

Я всегда говорю истинную правду, – начинает свою речь для телевидения Лакан в 1973 году. Речь – не средство коммуникации, не инструмент распространения информации. Речь-обитель истины. Речь-единственное средство, позволяющее приблизиться к истине желания субъекта. «Говорите все, что приходит вам в голову», – требует Зигмунд Фрейд; и «истина приоткроется», – добавляет Лакан.

Сказать, что речь в психоанализе играет большую роль, значит, ничего не сказать. В психоанализе нет ничего, кроме речи. Уже в 1895 году Фрейд понимает: симптомы встраиваются в разговор. Пациент вдруг ощущает острую боль в какой-то момент речи; и боль эта означает нечто несказанное. Симптомы, по Фрейду, – слова, захваченные телом.

В 1915 году в статье «Бессознательное» Фрейд противопоставляет шизофрению неврозам на основании особенностей речи. В речи шизофреника язык становится языком органов. Речь строится по законам сгущения и смещения. Сходство словесного выражения, а не сходство обозначаемых вещей предписывает построение фраз. Словесные представления преобладают на предметными. Если при неврозах словесные представления вытесняются, но окончательно не отрываются от представлений предметных, то при шизофрении слова как бы обретают полную свободу. Невротику не хватает слов, у шизофреника их избыток.

Язык – условие бессознательного. Бессознательное – атрибут говорящего существа. Бессознательное говорит в самом субъекте; говорит по ту сторону субъекта; говорит даже тогда, когда субъект об этом не подозревает; говорит больше, чем он полагает. Бессознательное, по Лакану, возникает исключительно у говорящих существ, у остальных же имеется инстинкт, знание, необходимое для выживания. Бессознательное – та часть дискурса, которая не отдается субъекту для восстановления непрерывности сознательного дискурса. Сновидения, остроты, ошибки и даже симптомы организованы, структурированы языком. Бессознательное не дано, оно конституируется! Бессознательное говорит, что делает его зависимым от языка. Человек держит речь, но говорит при этом язык. Человек не держит речь. Он – существо не столько говорящее, сколько говоримое. Этот парадокс становится совершенно очевидным у параноика, речь которого свидетельствует о том, что говорит не он сам, а кто-то другой. Перечитывая историю болезни Шребера, Лакан задается следующим вопросом: а говорит ли пациент? Ответ «да» только в том случае, если не проводить различия между языком и речью, ведь говорит он, подобно доведенной до совершенства кукле.

Речь, язык, бессознательное – вот вопросы, которые занимают друга Жака Лакана, лингвиста Эмиля Бенвениста. Бенвенист – один из первых, кто обратился к

лингвистике психоанализа. Его статья на эту тему появилась еще в первом сборнике «Психоанализ», вышедшем под редакцией Лакана в 1956 году. Бенвенист продолжает развивать описанную де Соссюром оппозицию речи и языка. Язык – социальная система, независимая от человека; речь же – индивидуальная сторона речевой деятельности.

Особенно важным оказывается для Лакана понятие шифтер, позаимствованное Якобсоном у датского лингвиста Есперсена. Согласно Бенвенисту, шифтер-средство перехода от языка к речи. Шифтер – подвижный определитель, местоимение, переключатель. Шифтер-я, здесь, это – без контекста не значит ничего: кто «я»? где «здесь»? что «это»? Якобсон говорит: шифтер– понятие, чье значение не может быть установлено без ссылки на то сообщение, которое передается от отправителя к получателю. Шифтер связывает сообщение с актом речи, с говорящим и слушающим. Так, слово «я» обозначает и говорящего, который говорит «я» и «я» содержащееся в отправленном им послании.

Бенвенист утверждает, что необходимость использования шифтеров для указания на себя производит в самом сердце субъекта раскол. Местоимение «я» обозначает субъект, но не означает его, поскольку оно само по себе – пустой знак. Оно принадлежит всем и никому. Местоимение «я» позволяет переключаться с

уровня акта высказывания на уровень высказанного. Пропасть между субъектом высказывания и тем, что высказывается и позволяет Лакану перевернуть в 1957 году картезианскую формулу субъекта. Лакан говорит: «Я думаю там, где меня нет, следовательно, я там, где я не думаю».

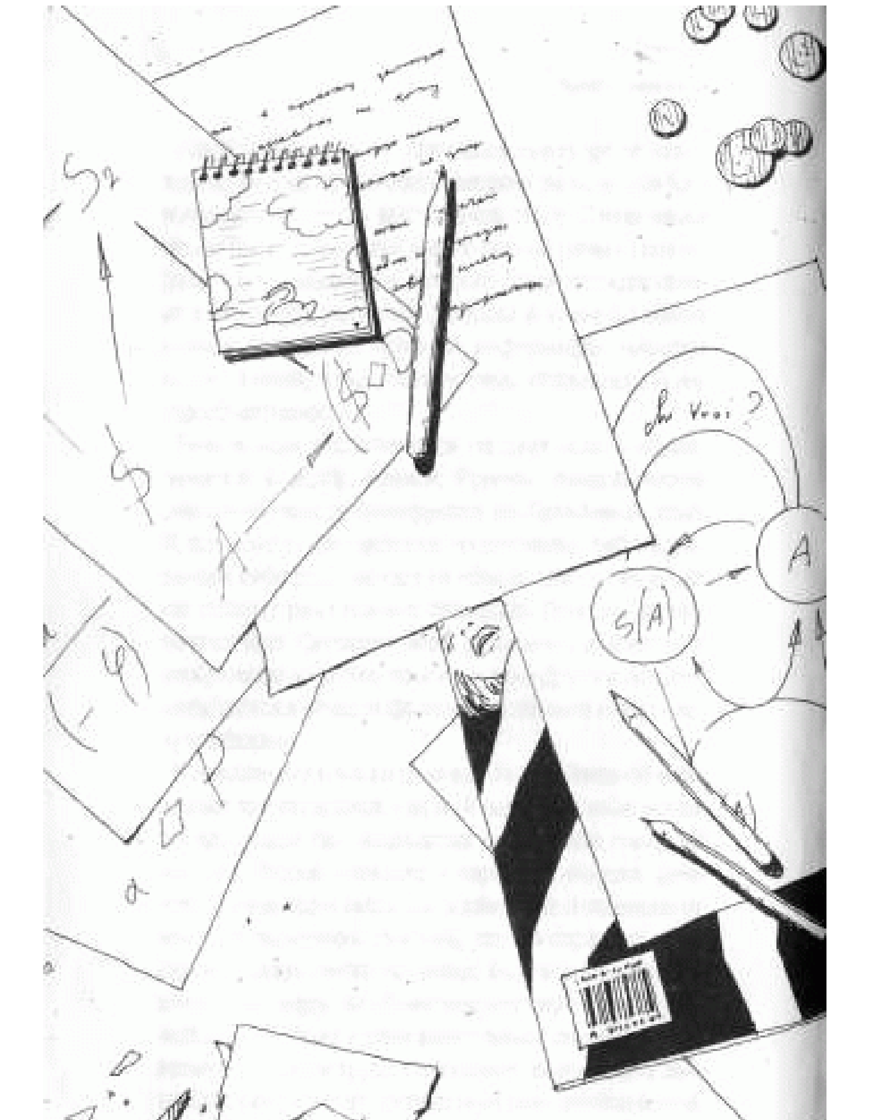
Лакан обнаруживает противостоящую речи стену языка. Язык не только обусловливает речь, но для того и существует, чтобы выстраивать стену. Стена языка может быть преодолена только полной речью. Полная речь – речь аналитика, которого Лакан отождествляет с античным учителем, дающим в нужный момент нужное толкование. Никакой информации, никакого нового знания, только полная речь, открывающая интерсубъективность.

Речь и язык располагается на двух осях – символической и воображаемой. Причем, символические отношения всегда блокируются воображаемой осью. Я, согласно стадии зеркала, представляет себя, воображает себя [moi], исходя из образа другого. Я [je] же как субъект речи говорит благодаря Другому, архиву означающих. Символические отношения упираются в воображаемую «стену языка», и речь Другого доходит до субъекта в отчасти фрагментированной и перевернутой форме.

В отношениях языка и речи в субъекте Лакан обнаруживает три парадокса. Первый парадокс: язык мо-

жет обнаружиться без посредства речи. Таков парадокс психоза. Второй парадокс – парадокс невроза: речь есть, но она зафиксирована в симптоме и отделена от языка вытеснением. Наконец, третий парадокс – парадокс современного человека; будучи отчужденным в научную среду, он объективирует свою речь в универсальном языке и утрачивает смысл своего существования в общем труде. Отношения языка и речи связаны с положением господствующего означающего, каковым для Лакана выступает фаллос.

ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ ФАЛЛОСА

che vuoi ?
A
S(A)

Если в теориях Фрейда фаллос предельно значим, но появляется только под видом прилагательного – фаллическая стадия, то у Лакана он обретает статус верховного означающего, означающего всех означающих. Уже у Фрейда, – говорит Лакан, – фаллос это ни фантазм, ни частичный объект, ни реальный орган, типа пениса или клитора. В статье 1932 года «О добывании огня» Фрейд выдвигает гипотезу, согласно которой человек сумел овладеть огнем, отказавшись от необходимости гасить его струей мочи. Отказ от этой биологической потребности привел его к культуре и к собственному желанию. Биологический орган, пенис, превратился в означающий фаллос. Фаллос выступает как означающее желания человека вообще. Фаллос появляется, указывая на кастрацию, последствия которой не устраняются никаким анализом.

Именно с разговора о бессознательном комплексе кастрации начинает Лакан свое выступление «Значение фаллоса» 9 мая 1958 года в Институте Макса Планка в Мюнхене. Этот комплекс структурирует симптомы в неврозах, психозах, перверсиях. Этот комплекс регулирует развитие, устанавливает в субъекте бессознательную позицию, благодаря которой он идентифицирует свой пол. Лакан, вслед за Фрейдом подчеркивает: клинический опыт показывает, – отношение субъекта к фаллосу устанавливается независимо от анатомических различий между полами.

Одним своим концом (метафорическим, замещающим) фаллос все же указывает на анатомический орган – пенис, другим (метонимическим, смещающим) – на желание, которое находится в постоянном движении и никогда не может быть удовлетворено. При этом тестирование желания Другого имеет решающее значение не потому, что субъект узнает в нем, имеет ли он сам или нет «реальный» фаллос, но потому что он обнаруживает его отсутствие у матери. Так идея кастрации, предполагающая возможное лишение фаллоса, привносит отрицание, идею отсутствия. Отсутствие всегда присутствует в фаллосе. В виде формулы фаллос представляется таким образом:

фаллос = пенис + идея нехватки.

Как же орган становится символическим? Как он входит в символическое пространство? Как он вводит себя в систему означающих?

Органы, как и все физические объекты, обретаются только будучи символизированными. Показательны в этом отношении внутренние органы, которые известны нам только символически: мы не видим ни нашего сердца, ни нашей печени, ни наших почек. Знание о них обретается исключительно в их зримом отсутствии, в их присутствии в дискурсе.

Символические органы подчиняются систематическому закону, который заключается в том, что означающее может существовать только в цепи других означа-

ющих. Чтобы стабильность органа сохранялась, в символическом должно существовать означающее, наделенное привилегированным статусом. Таким означающим и становится у Лакана фаллос. С этой точки зрения фаллос поднимается от анатомии до универсальной семантики:

фаллос = пенис + логос.

Почему именно фаллос становится господствующим означающим?

Фаллос начинает функционировать в системе означающих тогда, когда субъекту необходимо найти в противоположность означающему символ для означаемого, символ для значения. Символ как таковой сочетает и присутствие, и отсутствие. Угроза кастрации превращает фаллос в знак знака. Означающим означаемого вообще и становится фаллос. Чтобы узаконить систему означающих, действует Имя-Отца. Оно делает систему законом. Свое выступление в Мюнхене Лакан заканчивает напоминанием: уже в древности функция фаллического означающего была связана с разумом, с логосом.

Когда ребенок инкорпорирует понимание символического фаллоса, он готов занять в полоролевой системе «свою» сексуальную позицию. Вслед за Фрейдом, для Лакана отношения между полами асимметричны именно потому, что фаллос остается единственным означающим. Ему нет пары. Он центрирует все, что

связано с полом. Эдипов комплекс с такой точки зрения подразумевает диалектику выбора: быть или не быть фаллосом, иметь или не иметь фаллос, причем три основных момента этого выбора зависят от роли фаллоса в желаниях трех участников эдиповой сцены.

Фаллос как привилегированное означающее – то, что удовлетворяет желание Другого. Первый такой Другой – мать. Отсутствие матери в какой-то момент указывает на то, что ребенка ей недостаточно, что у нее есть еще желание, уводящее ее от него. Лакан на семинарах, посвященных психозам, подчеркивает, фаллос оказывается в центре разворачивающейся драмы сразу же, как только субъект сталкивается с желанием матери. Причем фаллос навсегда остается завуалированным, поскольку в отношениях между означающим и означаемым это означающее выступает последним.

Присваивая желание матери, ребенок хочет быть ее фаллосом или идентифицироваться с фаллической матерью. В Эдипов период отец-кастратор появляется как четвертый член в воображаемом треугольнике мать-дитя-фаллос. Лакан полагает, что кастрацию переживают и девочки, и мальчики – любой ребенок должен отказаться от роли материнского фаллоса. Отказ от идентификации с воображаемым фаллосом прокладывает путь к отношениям с символическим фаллосом, которые и предписывают пол. Мальчик будет

иметь фаллос, девочка будет фаллосом.

На семинарских занятиях 1972/73 годов Лакан подходит к фаллосу с другой стороны. Он ставит дополнительный акцент на асимметрии фаллос/его отсутствие. Фаллосу нет пары. Лакан теперь говорит не столько о фаллосе, сколько о фаллической функции. Фаллическая функция как функция закона связана не только со структурированием бессознательного, но и с узакониванием дискурса Другого.

БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ — ДИСКУРС ДРУГОГО

Фрейд называет бессознательное другой сценой. С этой отчужденной сцены и звучит речь. Поскольку речь со времен Фрейда исходит из бессознательного, то уже предполагается, что бессознательное есть дискурс Другого. Бессознательное говорит! Говорит языком Другого. Речь заимствует себя у языка. С психоаналитической кушетки раздается голос: «эти слова не мои», «я такого не говорил», «все, что я говорила, как будто говорил кто-то другой», «то, о чем вы подумали – неправда». Такое отрицание в языке, для Фрейда, являлось одним из свидетельств наличия представления в бессознательном. Иначе, откуда взяться отрицанию. Когда пациент говорит ему: «эта женщина в сновидении, конечно, не моя мать», Фрейд слышит голос бессознательного: «ну, конечно, это моя мать». Бессознательное – речь Другого. Речь не присвоенная. Лакан отмечает, что мысль о том, что бессознательное-дискурс Другого, особенно отчетливо звучит в статьях Фрейда, посвященных телепатии. Мысль передается на расстоянии. Приходит с другой сцены. От кого-то еще. Понятие другой появляется у Фрейда в связи с введением инстанции я. В 1921 году в «Массовой психологии и анализе человеческого я» он пишет: в жизни человека всегда присутствует другой. Фрейд показывает: меня нет и быть не может без другого. Лакан получает свое представление о другом в связи с этими мыслями Фрейда, а также идеями «другого» у Платона

и Гегеля. Гегеля, который уже говорит: я есть благодаря тому, что меня признает Другой.

Когда Лакан начинает говорить о другом в 1930-е годы, то речь поначалу идет просто о другом человеке. Постепенно другой раздваивается на Другого с большой буквы (А – от фр. Autre) и другого с буквы маленькой (а – от фр. autre). Различие между Другим и другим Лакан проводит на семинарских занятиях 1955 года. Различие это оказывается принципиальным не только в теории, но и на практике, поскольку аналитик должен занимать место символического Другого, а не воображаемого другого. Установление связи с Другим предопределяет окончание анализа. Эта связь рассеивает иллюзию себя в другом, ведь этот другой на самом деле – образ собственного я. Большой же Другой – измерение других, которое остается неведомым говорящему, поскольку он обращается к другим в языке. Язык же всегда предшествует этим отношениям. Он принадлежит Другому. Да и обращение к другому всегда еще и обращение за его пределы. Обращение к другому – запрос к Другому.

Психоаналитической опыт, – пишет Лакан – показывает: Другой находится по ту сторону стены языка; язык укореняет нас в Другом и в то же время мешает нам его понять. Психоанализ нацелен на то, чтобы открыть путь истинной речи, которая соединила бы одного субъекта с другим, находящимся по другую сторону

стены языка. Окончательная связь с Другим, чей ответ всегда оказывается неожиданным, и предопределяет собой окончание анализа. Психоанализ состоит в том, чтобы позволить субъекту осознать свои отношения не с собственным я аналитика, а с теми Другими, которые и являются его истинными, но не узнанными собеседниками.

Маленький другой появляется на стадии зеркала как проекция я. Таким образом, другой собственно другим не является, он – отражение себя (moi), он – другой, занимающий место я. Маленький другой как фантазм занимает «свое» «место» в воображаемом порядке. Этот маленький другой/я стоит на пути к Другому.

Большой Другой предполагает радикальную ина-ковость, которая не может обнаружиться в порядке воображаемого. Лакан сравнивает эту непредставимую инаковость с иностранным характером языка. Большой Другой приписан символическому порядку, именно с ним имеет дело функция речи. Большой Другой это и другой субъект, и тот символический порядок, который выступает посредником в отношениях с другим субъектом. Другой – место, в котором конституируется речь. Язык одновременно укореняет субъект в Другом и отчуждает его от Его инаковости.

Позицию, а точнее, предпозицию Другого в связи с символической мерой желания для ребенка поначалу занимает Мать. Во время кастрационных переживаний

ребенок обнаруживает в Другом нехватку. «Собственно» позиция Другого устанавливается как Закон и Порядок Имени Отца. Другой – Отец, имя которого для ребенка связывается с законом и порядком. Другой – пространство культуры, в котором свершаются все приключения индивидуальных желаний.

Отношения с Другим по-разному проявляются в клинике. Истерик старается прийти в согласие с символической кастрацией, утратой наслаждения, посредством поддержания желания Другого. Истерик находит удовольствие в ситуации, в которой делает себя желанным. Истерик стремится любой ценой избежать наслаждения Другого. Другой должен желать, а не наслаждаться. Невротик с навязчивостями стремится преодолеть символическую кастрацию, нейтрализуя желание Другого. Он извлекает удовольствие из отстранения от Другого, изоляция для него – высшее жизненное достижение. Субъект с перверсивной структурой психики достигает удовольствия в наслаждении Другого. Он превращает себя в инструмент его наслаждения. Так называемый извращенец преодолевает невротическую оппозицию между наслаждением и желанием в результате минимализа-ции воздействия символического закона и перенесения наслаждения в самую сердцевину Другого.

Особенности психики субъекта зависят от той позиции, которую он занимает в дискурсе Другого. Эта по-

зиция в порядке означающих его и структурирует. Об этом Лакан говорит в своем знаменитом толковании «Похищенного письма».

ПОХИЩЕННОЕ ПИСЬМО ПРИХОДИТ ПО НАЗНАЧЕНИЮ

FUTURE
PO

12 мая 1955 г. Лакан проводит семинар по мотивам рассказа Эдгара Алана По «Похищенное письмо». Разбирая эту детективную историю, Лакан показывает: субъект представлен цепью означающих, в которых – в терминах Бенвениста – план высказывания расходится с планом акта высказывания. То, что субъект говорит, не соответствует тому, что он хочет сказать. Место «я мыслю» (Декарта) занимает «оно говорит» (Фрейда). Письмо, буква (по-французски это одно слово – letter) вписано в бессознательное и определяет судьбу субъекта. Этот семинар для Лакана настолько важен, что он переписывает его в 1956 году в отдельную статью, а в 1966 году помещает ее в свое собрание «Сочинений». Причем этот сборник самых важных, на взгляд Лакана, статей начинается именно с «Похищенного письма».

Раздел, в котором Лакан излагает на семинарских занятиях историю «Похищенного письма», называется «По ту сторону воображаемого – символическое или от маленького другого к большому». Начинается он с вопроса «что такое субъект?» И Жак Лакан прибегает к истории Эдгара По для прояснения своей идеи, – субъект конституирован символическим порядком.

Представления о языке крайне важны для понимания инстанции символического в той модели психики человека, которую предлагает Лакан. Идея символического порядка была введена в гуманитарные науки Ле-

ви-Стросом, для которого любая культура – совокупность символических систем – языка, брачных связей, экономики, искусства. Говоря о символическом, Лакан подчеркивает и то, что бессознательное как предмет исследования психоанализа всегда структурировано как язык.

«Чистое означающее» не зависит от своего означаемого, подобно тому, как письмо не зависит от своего содержания. Посредством смещения означающее работает как подвижная ось, вокруг которой вращается изменяющийся набор человеческих отношений. Это означающее функционирует не только независимо от своего содержания, но и независимо от персонажей, по рукам которых оно переходит.

Одним из основных мотивов семинарских занятий 1955 года вообще становится понятие Фрейда «навязчивое повторение». В отличие от Фрейда, который связывает этот принцип с характером влечений, Лакан приписывает его структуре означающей цепи. Удивительно, но и эту свою теорию Лакан обнаруживает у Фрейда. В рукописи 1895 года Фрейд пишет о стремлении к повторению в связи с попыткой заново пережить первичное удовольствие, а также в связи с настойчивым воспроизведением процесса утрачивания вещи в означающем его символе. Впрочем, Лакан, сквозь призму Клерамбо, говорит уже не столько о навязчивом повторении, сколько об автоматизме повторения.

Главный герой истории По-Лакана – письмо, перемещение которого определяет поведение и судьбу персонажей. Письмо – означающее, скольжение которого прочерчивает символическую цепочку. Персонажи рассказа-полицейские, сыщик Дюпен, король, королева, министр – оказываются в той или иной ситуации в зависимости от позиции, которую они занимают в отношении письма.

Таких позиций – три. Персонаж, находящийся в первой позиции, слеп в отношении всей ситуации, он не видит ничего. Из второй позиции субъект видит, что первый ничего не видит, но заблуждается насчет того, что никто не наблюдает за ним, что тайна его никому не известна. В третьей позиции субъект обнаруживает на поверхности то, что должно быть скрыто, чем и пользуется.

Лакан рассматривает три сцены, в которых персонажи меняются местами, переходят с одной позиции на другую. Они бессознательно смещаются в ходе интерсубъективных отношений, структурируемых письмом, этим подвижным означающим. В первой сцене, первосцене в будуаре, слепым остается король, чем пользуется обладающая письмом королева, которая, в свою очередь, не догадываясь о контролирующем обе позиции министре, похищает письмо. Во второй сцене, разыгрываемой в апартаментах министра, в роли слепой оказывается королева, министр же перехо-

дит на вторую позицию, из третьей действует детектив Дюпен. Третья, завершающая рассказ сцена: теперь слеп министр, Дюпен поглощен своим «видением» ситуации, а Лакан, психоаналитик, извлекает преимущества, обнаруживая скрытое как открытое. Эта оппозиция скрытое/открытое между тем структурирует у Лакана истину.

Сама история Эдгара По становится метафорой аналитического процесса. Лакан устанавливает соответствия между инстанциями субъекта и позициями, занимаемыми персонажами в рассказе: между позицией слепого и реальным, между позицией поглощенного увиденным и воображаемым, между позицией «похитителя» и символическим. Кроме того, эти позиции – еще и позиции субъективации. Так министр, смещаясь с одной позиции на другую, продвигается от нарцис-сической стадии дальше в зависимости от своего видения расположения остальных позиций в отношении письма, означающего.

В процессе анализа бессознательные представления, означающие настаивают на том, чтобы быть высказанными и услышанными, не будучи при этом связанными с принципом удовольствия/неудовольствия. Цель психоанализа состоит в том, чтобы помочь субъекту осознать динамику этих переходов с одной позиции на другую и закрепиться в третьей позиции. В анализе необходимо найти это письмо, эту букву, букву за-

кона, или, по крайней мере, вычислить траекторию ее движения, что позволило бы выследить, какое место занимает субъект в порядке символического. Откуда и мысль Лакана: письмо всегда приходит по назначению, ведь адресат его – Другой. Более того, письмо не просто принадлежит порядку символического. Оно пересекает пределы инстанций субъекта. Оно связывает символическое, реальное, воображаемое. Оно организует топику Лакана.

ТРЕТЬЯ ТОПИКА

Топика – модель психического аппарата. В 1899 году в 7 главе «Толкования сновидений» Зигмунд Фрейд описывает свою первую топику, которая включает три системы

– бессознательное, предсознательное, сознательное. В 1923 году в книге «Я и оно» он конструирует вторую топику, дополняющую первую: я, оно, сверх-я. 8 июля 1953 года Жак Лакан говорит о трех порядках психического

– символическом, воображаемом и реальном. Так он вводит в психоанализ третью топику. Эта модель психического аппарата человека дополняет топики Фрейда. Как обычно, Лакан утверждает, что свою модель он находит у Фрейда.

Было бы неправильно говорить о хронологической последовательности развития трех инстанций у субъекта. Появление одной инстанции возможно только вместе с появлением другой и за ее счет. И все же, обсуждение топики обычно начинается с воображаемого, поскольку оно связано со стадией зеркала. Воображаемое как производное этой стадии оказывается местом собственного я, заблуждения, очарования, соблазнения, иллюзии. Однако воображаемое не сводится к иллюзорному. Если воображаемое необходимо, то иллюзорное воспринимается как нечто излишнее. В то же время воображаемое создает фундаментальные иллюзии целостности, синтеза, автономии.

Парадокс состоит в том, что воображаемое не возникает вне символического. Стадия зеркала предполагает приписывание воображаемого собственного образа символическому порядку дискурса. Этот процесс происходит, например, следующим образом: мать с ребенком говорит перед зеркалом: «Какой ты красавец, Федя! Глазки у тебя дедушкины, ушки – папины, а носик – мамин». Ребенок привязывается к собственному образу именем собственным, а части тела заимствуются в языке у других.

В течение многих лет, с начала 1950-х до середины 1960-х годов Лакан описывает на своих семинарах взаимоотношения символического и воображаемого. Он показывает: воображаемое всегда уже структурировано символическим; поэтому Лакан иногда говорит о «воображаемой матрице». Если воображаемое характеризуется дуальными отношениями, основанными на связях собственного я с образом, отражением, другим, то символическое описывается тройственными отношениями: я – другой – Другой. Кроме того, если воображаемое в этих отношениях отмечено зримым отчуждением, символическое вводит отчуждение от себя в означающем.

Говоря о символическом, следует подчеркнуть противоположность «символа» у Юнга и Лакана. Символ Лакана – означающее, не связанное постоянными узами с означаемым, в то время как в традиции Юнга сим-

вол – трансцендентный устойчивый знак. Символическое Лакана не совпадает с языком вообще. Символическое соотносится с пространством означающих, в то время как область означаемых и означения принадлежит, по крайней мере отчасти, порядку воображаемого. Лакан приходит к символическому, исходя из «символической функции», структурирующей отношения родства, Клода Леви-Строса и теории обмена даров Марселя Мосса. Поскольку основная форма обмена в человеческом сообществе – обмен словами, использование дара речи, поскольку закон и структура немыслимы вне языка, то символическое обладает лингвистическим измерением.

Символическое предшествует появлению на свет субъекта. Субъект рождается в символическое. Несмотря на то, что символическое как порядок языка предшествует появлению воображаемого, несмотря на то, что оно появляется на стадии зеркала вместе с воображаемым, в строгом смысле слова субъект входит в символическое в эдипову стадию. Вхождение в собственно человеческий регистр связано с Эдипом, Законом, Другим, Кастрацией, Отцом, Именем Отца. Открытие символического порядка, по Лакану, как раз и составляет главное открытие Фрейда.

Функция отца, как показал Фрейд в книге «Человек Моисей и монотеистическая религия», заключается в том, чтобы разорвать симбиотические, биологические,

аффективные узы и ввести ребенка в область социального, законного, в царство представлений, суждений, памяти. Чтобы подчеркнуть абстрактный характер происходящего, чтобы исключить путаницу между функцией отца и биологическим отцом, Лакан говорит об Имени-Отца. Имя не реально.

В 1930-е годы Жорж Батай открывает Лакану новые перспективы прочтения Ницше и де Сада. По сути дела

Лакан выводит понятие «реальное» из гетерологии Батая, в которой речь идет неассимилируемом, отбросах, остатках, о том, что всегда оказывается за пределом человеческого знания. Лакан осмысляет реальное как остаток, а потом и как невозможное. Реальное – своего рода несимволизируемый остаток, то, что остается невысказываемым. Реальное невозможно. Его невозможно вообразить. Его невозможно символизировать. Реальное травматично.

Реальное отнюдь не предшествует символическому, а появляется вместе с ним. Процесс символизации предполагает и появление, и исчезновение реального. Символ создает объект и затмевает его. Символическое это царство отсутствия, нехватки, смерти. Лакан говорит: влечение смерти – лишь маска символического порядка. Реальное не описывается каким-либо оппозициями. В реальном нет отсутствия, – говорит Лакан. Реальное всегда на своем месте. Реальное – по ту

сторону символического. Реальное упорно возвращается на то-же-самое место, то место, в которое субъекта ведут его мысли, но при этом встречи с чем-то не происходит.

Если символическое – цепочки дифференцированных, дискретных означающих, то реальное недифференци-ровано. Реальное – не реальность. Реальность конструируется за счет воображаемых иллюзией и структур символического. И все же встреча с реальным возможна: нечто, не включенное в символическую структуру, при психозах может вернуться в галлюцинации.

Помимо реального, символического, воображаемого, Лакан различает в психическом аппарате идеалы. Две идеальные инстанции. Два идеала.

ИДЕАЛЫ ЛАКАНА

С символическим и воображаемым порядками структуры субъекта связаны еще две инстанции, два идеала: я-идеал и идеал-я. Фрейд вводит эти понятия и пользуется ими как синонимичными. Понятия идеалов – идеал-я [Idealich] и я-идеал [Ichideal] – впервые появляются в небольшой, но принципиальной статье 1914 года «К введению в нарциссизм». Идеализация другого – способ сохранения нарциссической идеализации себя, форма самосохранения. Фрейд пишет: идеал человека – лишь замена утраченного нарциссизма детства, когда ребенок видел идеал в себе самом. В книгах начала 1920-х годов «Массовая психология и анализ человеческого я», «Я и Оно» Фрейд, используя понятие идеала, развивает психоаналитическую теорию субъекта, рождающегося в результате двустороннего процесса идеализации/ идентификации. Идеал-я объясняет феномены полной подконтрольности при гипнозе, подверженности любовным чарам, подчинения лидеру. Процесс идеализации объясняет построение социальной массы. При этом между понятиями я-идеал, идеал-я, сверх-я Фрейд не проводит четкого различия.

Эти различия проводит Лакан. Уже в своих ранних работах он различает я-идеал и сверх-я. Несмотря на то, что обе инстанции появляются в результате заката эдиповых отношений, в результате идентификаций с отцом, они несут с собой разные проявления двой-

ственной роли отца. В работе 1938 года «Семейные комплексы в формировании индивида» Лакан пишет: сверх-я – бессознательная инстанция, чья функция – подавление сексуального желания, направленного на мать, в то время как я-идеал сознательно подталкивает к сублимации и устанавливает координаты, позволяющие субъекту занять мужскую или женскую сексуальную позицию.

На семинарских занятиях весной 1954 года Лакан обращается к теме нарциссизма, вычерчивает знаменитую оптическую схему с двумя зеркалами и выстраивает теорию двух нарциссизмов. Один нарциссизм, первичный, связан со стадией зеркала, с идентификацией с другим, с идеализацией формы. Он относится к телесному образу. Формальная идеализация образа, впрочем, не просто служит источником всех вторичных идеализации, но исходно обнаруживает в себе вторичный нарциссизм – символическую идентификацию с другим. Именно символическая нарциссическая идентификация позволяет человеку определить свое воображаемое и свое отношение к миру. Именно эта идентификация определяет положение субъекта в мире и позволяет ему увидеть себя, структурировать свой мир и свое в нем место.

Происхождение идеал-я связано с оптическими иллюзиями, с образом себя, выстроенным по образу и подобию другого. Образ этого идеального я действу-

ет как форма, дающая надежду на будущий синтез, к которому стремится я. Этот образ – иллюзия единства, на основании которой строится я. Идеал-я – вечно удаляющийся спутник я. Идеал этот – вектор обретения былого, предшествующего эдиповым отношениям, всемогущества. Хотя идеал-я сформирован первичной идентификацией, он навсегда остается источником идентификаций вторичных.

Важно то, что идеал-я не является законом, определяющим способ бытия субъекта в мире. Эту инстанцию можно понять как структурное требование, вписывающее в мир само событие субъективности подобно тому, как онтологическое доказательство не обосновывает существование бога, но вписывает в мир необходимость его бытия, как требование, которому мир должен соответствовать. Так просто надлежит быть!

Если идеал-я это источник воображаемой зеркальной проекции, то я-идеал – плод символической интроекции. Я-идеал – инстанция, возникающая благодаря эдиповым идентификациям. Я-идеал действует как интроецированное идеальное означающее. Это – усвоенный порядок закона, путеводная звезда, направляющая субъект на обретение своей позиции в символическом порядке. Я-идеал, указывает Лакан, – это другой в той мере, в какой он говорит; другой в той мере, в какой его связывает со мной символическое сублимированное отношение. Я-идеал структурирует отно-

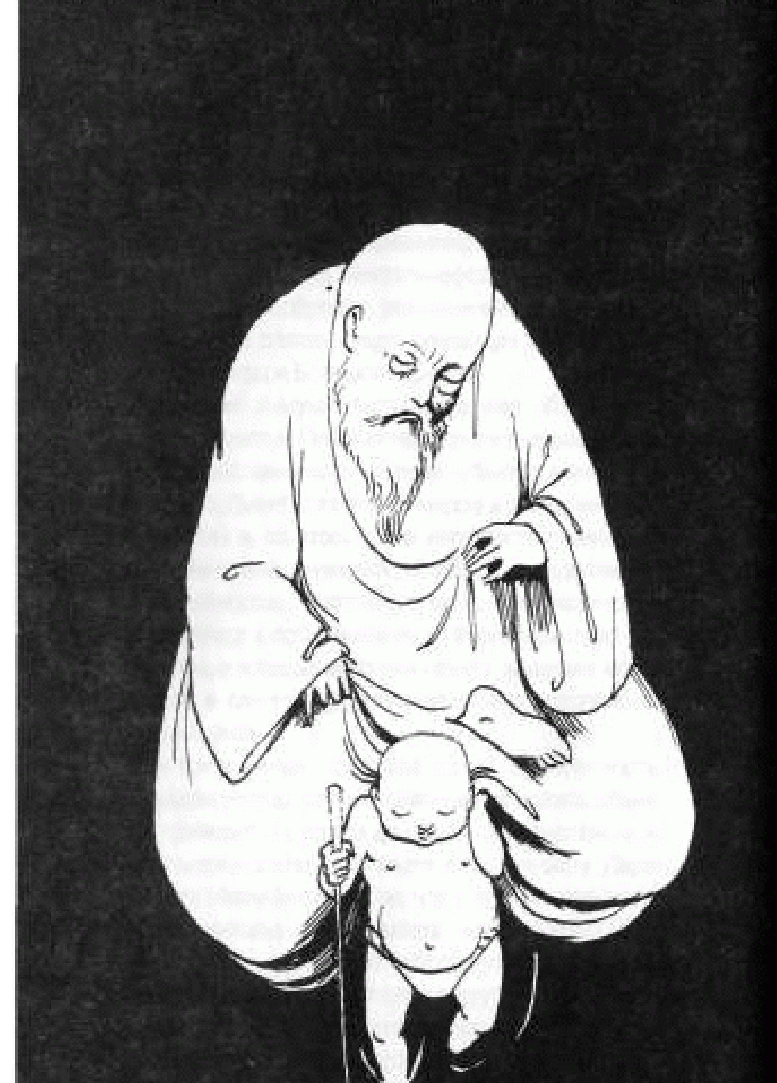
шения с другими в символической сети. Вслед за Гегелем Лакан повторяет: символ порождает мыслящих существ. Именно слово позволяет идентифицировать субъекта. Именно слово – единица символического обмена между людьми. Таким образом, различие между идеалом-я и я-идеалом соответствует оппозиции другого с маленькой буквы и Большого Другого.

Говорящий я-идеал попадает в мир объектов на уровне идеала-я. Понятия идеала-я и я-идеала выражают двойственное отношение субъекта к миру. Во-первых, субъект соотнесен с миром в символическом измерении и, во-вторых, его активность ограничена возможностями идеализации только определенного вида объектов, соответствующих нарциссическо-му интересу к собственному я. Фрейд приводит три примера, в которых внешний объект занимает место идеала в той точке, в которую субъект проецирует свой я-идеал.

Эти три примера – фантазм, гипноз, влюбленность. В каждом из этих случаев поглощение идеала объектом приводит и к утрате действенности инстанции я. Тотальная идеализация ведет к потере себя. Парадокс же заключается в том, что к этой потере ведет нарциссическая влюбленность: влюбленный, напоминает Лакан, любит свое собственное я; в другом он любит себя. Он обретает себя в другом. Такая, вполне психотическая идеализация, при которой субъект растворяет-

ся в объекте, резко отличается от отношений с другим, с объектом в рамках переноса.

ПЕРЕНОС ЛАКАНА

Перенос предполагает смещение бессознательных представлений с одного объекта на другой, перемещение из далекого прошлого в настоящее. Обнаружение Фрейдом этого эфемерного явления оказалось основополагающим для психоанализа. Психоанализ становится дисциплиной общения с призраками. Не удивительно, что и Лакан числит перенос одним из четырех фундаментальных понятий психоанализа. Более того, на одном из своих первых семинаров, он говорит: перенос – это время анализа.

Для Фрейда, перенос – форма повторения прошлого в настоящем, бессознательное воспроизведение уже бывшего. В 1914 году, в статье «Воспоминание, повторение, проработка» он пишет: перенос не принадлежит порядку воспоминания. Перенос – повторение [Wiederholung], переживание заново [Wiederieben].

Перенос оказывается и мощнейшим инструментом анализа, и препятствием на его пути. В знаменитом «Случае Доры» Фрейд впервые сталкивается с переносом как сопротивлением. Перенос Доры – фиаско анализа. Этой истории Лакан посвящает свое выступление в 1951 году на конгрессе романоязычных психоаналитиков. Он рассматривает отрицательный перенос Доры в рамках диалектики аналитических отношений. Перенос – проявление в момент приостановки аналитической диалектики неких неизменных образцов, согласно которым субъект выстраивает собствен-

ные объекты.

Лакан разбирает перенос на примере Доры еще и потому, что экран собственного я у истериков настолько прозрачен, что порог между сознательным и бессознательным крайне низок. Через несколько лет, на семинарских занятиях 1970/71 годов Лакан будет доказывать: в качестве аналитического опыта производится истеризация дискурса. Истерия – непреложное условие анализа, поскольку только истерический перенос вводит фигуру субъекта наделенного знанием.

Лакан пишет, что преградой на пути установления в анализе интерсубъективной истины оказывается образ. Перенос в этом случае замораживает диалектику субъекта, погружая его в воображаемые отношения. Будучи воображаемым, перенос образов оказывает сопротивление истине. Субъект преодолевает это сопротивление, когда ему удается спроецировать свое прошлое в диалектику символических отношений.

У Лакана, как и у Фрейда, нет одной теории переноса. По меньшей мере, их можно обнаружить две. До 1953 года и после. До 1953 года Лакан описывает перенос сквозь призму «Стадии зеркала»: перенос – проекция образа на аналитика. Перенос– оптическое отражение в зеркале, функцию которого играет образ аналитика. Перенос носит воображаемый характер.

В 1953 Лакан перечитывает ряд текстов Фрейда и приходит к идее символического переноса. На одном

из семинаров 1954 года он подчеркивает: перенос обусловлен тем, что для вытесненного желания нет никакого возможного прямого способа передачи. Существуют отношения, которые никакая речь не может выразить, разве что между строк. И все же функция переноса может быть понята исключительно в терминах символического. Лакан высвобождает перенос из обычного его описания в терминах невыразимого аффекта. Даже в тех случаях, когда перенос выдает себя душевным волнением, смысл это волнение обретает в диалектике дискурса, в пределах которого оно возникло.

Так Лакан вводит две оси переноса, воображаемую и символическую, пытаясь решить загадку Фрейда, в которой перенос – одновременно двигатель аналитического процесса и мощное оружие сопротивления. Если Фрейд работает с переносом, обращаясь к вытесненным, инфантильным истокам, Лакан заботится о том, чтобы работа с переносом не превратилась в воображаемые отношения ревности и соперничества.

Вслед за Фрейдом Лакан понимает перенос как перевод. Перенос– не просто проекция образа на аналитика, а форма работы бессознательного. Перенос – буквально перевод, переписывание записей, перемещение надписей. Перевод – не повторение одного и того же.

Перенос – не просто повторение, но повторение запроса, обращенного в место Другого. Перенос – воз-

врат прошлого запроса. Непризнание возвращается из прошлого. Лакан говорит о переносе и повторении как двух разных фундаментальных понятиях психоанализа. Если повторение возникает, когда травматическая сцена стремится вернуться, то перенос – приведение в действие реальности бессознательного. Нет чистого повторения прошлого, есть производство нового действия.

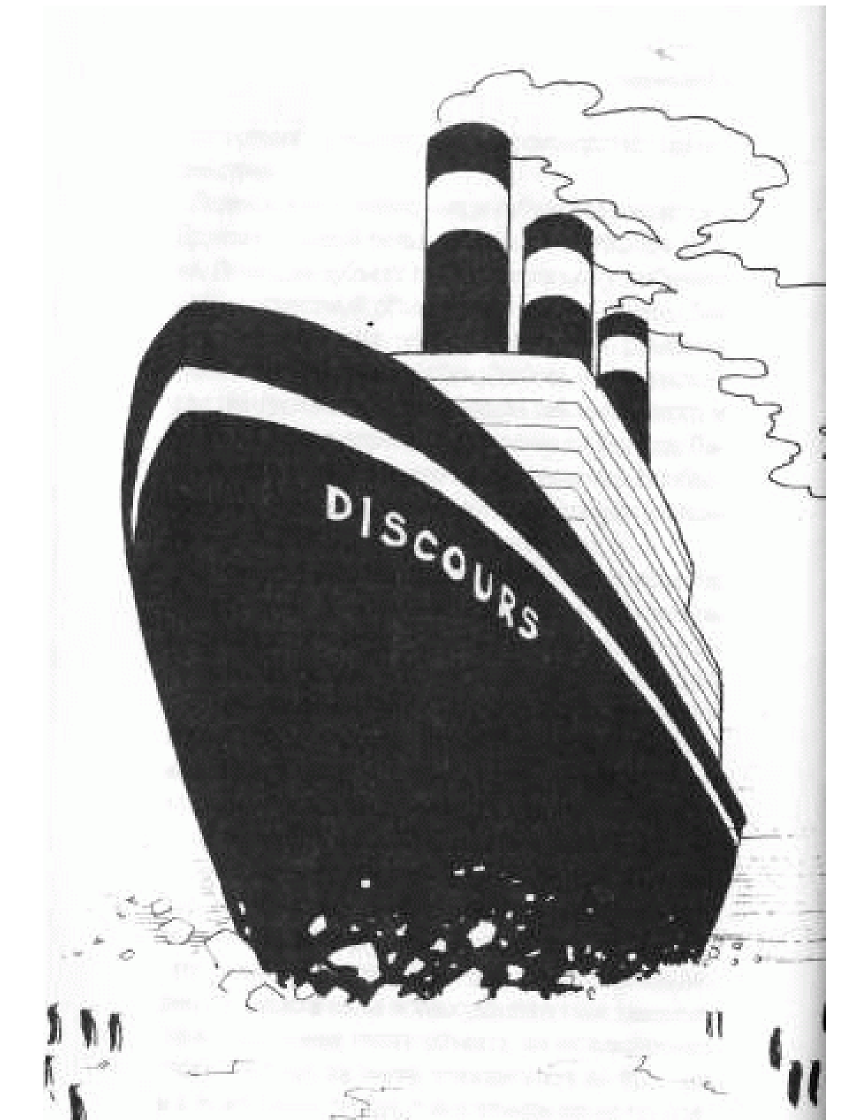
Перенос имеет место, когда субъект обращается к Другому с полной речью. Перенос – метафора любви. Любящий субъект любит, поскольку у любимого есть неизвестный объект, которого нет у него. Любовь – всегда знак перемены дискурса. Динамика переноса – динамика любви. Любовь и ненависть – две центральные составляющие символического и воображаемого переноса. В отличие от Фрейда, Лакан говорит уже о психотическом переносе. Воображаемые отношения с другими воздействуют на психотическую позицию в рамках переноса.

На семинарских занятиях 1960/61 годов перенос претерпевает буквальное перемещение. Он теперь исходит не от анализируемого, а от желания аналитика, занимающего вакантное место желания Другого. Аналитик занимает ключевую позицию в провоцировании символического переноса, поскольку воплощает функцию знающего. Контрперенос – не какой-то отдельный феномен, но неотъемлемая составляющая пере-

носа. Аналитик неизбежно вовлечен в перенос. 19 марта 1974 года Лакан делает радикальное заявление: в психоанализе существует только один перенос – перенос аналитика.

На своих семинарах Лакан сам стал объектом переноса, наделенным всемогущественным знанием. Заняв положение такого объекта, он катализировал стремительное развитие психоанализа во Франции и в то же время поставил аналитиков перед проблемой преодоления этого переноса.

СЕМИНАРЫ И ДИСКУРСЫ

DISCOURS

Фрейд писал, Лакан говорил. В ноябре 1966 года выходит в свет сборник его статей под названием Ecrits – «Написанное», «Сочинения», «Тексты». Несмотря на всю сложность книги, во Франции она очень скоро становится одной из самых почитаемых на интеллектуальном рынке. Лакан говорит: это книга для чтения, а не для понимания. Эта книга уникальна, поскольку основным пространством разработки теорий Лакану служит не поле письма, а семинарские занятия. Предваряя свою статью 1960 года «Ниспровержение субъекта» вступительными словами, он напоминает, что устное изложение учения всегда предшествовало у него публикации. В том-то и состоит особенность семинаров, говорится в другой статье, «Инстанция буквы», что речь в них идет о неопубликованном. Семинары – основное место преподавания, чтения работ Фрейда, дискуссий и разработки психоаналитических теорий. В дальнейшем усилиями Жака-Алэна Миллера и издательства «Сёй» семинары будут превращаться в печатные тексты. Семинары Лакана, по словам Ролана Барта, служат ключом к пониманию текстов «Сочинений».

Лакан начинает проводить семинарские занятия в 1951 году на квартире своей будущей жены Сильвии Батай. Занятия посвящены классическим историям болезни: Доре, Человеку-Волку, Человеку-Крысе. 18 ноября 1953 года в больнице Святой Анны Лакан про-

водит свой первый публичный семинар. Посвящен он работам Фрейда по технике психоанализа. По средам Лакан проводит семинарские занятия, по пятницам – представляет клинические случаи, по вторникам – супервизирует своих учеников. Такого режима работы он будет придерживаться до 1963 года.

В 1964 году, благодаря хлопотам Альтюссера и Леви-Строса Лакан получает приглашение стать лектором Практической школы высших исследований и открыть семинар в знаменитой Высшей нормальной школе. Если в течение 10 лет семинары проходили в лекционном зале больницы Святой Анны, который вмещал не более ста человек, то теперь в распоряжении Лакана аудитория, вмещающая до трехсот участников. В1969 году Лакан будет проводить свои семинарские занятия на Факультета права. В аудиторию, рассчитанную на шестьсот пятьдесят слушателей, будет набиваться восемьсот.

В мае 1968 года Париж охвачен революционными волнениями. Лакана увольняют из Высшей нормальной школы. Директор этого самого знаменитого во Франции педагогического учебного заведения полагает, что именно вольнодумные семинары Лакана послужили причиной студенческих волнений. Увольнение Лакана приводит лишь к еще большему росту его популярности среди студентов. Впрочем, директор, скорее всего, преувеличивал непосредственную

вовлеченность психоаналитика в революционное движение. Лакан как-то сказал революционно настроенным студентам, что вообще не питает никакой надежды на разумный диалог с ними, поскольку они понятия не имеют, что такое афазия. Кроме того, несмотря на свои симпатии к студентам, он считал их марионетками режима, находящимися в поисках Господина. Лакан таким Господином становиться не хотел. У психоаналитика – другой дискурс. Не господский.

Почему, кстати, дискурс? Почему, например, не речь? Понятие дискурс ставит акцент на интерсубъективности, на социальных узах, укорененных в языке. На пространстве между языком и речью.

По Лакану, в символической сети возможны четыре типа налаживания связей, которые регулируют интерсубъективные отношения. Четыре типа дискурса – господский, университетский, истерический и психоаналитический. Различие между ними Лакан проводит в зависимости от взаимного расположения четырех составляющих – господствующее означающего, знания, субъекта и объекта причины-желания. Основной дискурс – господский, три других – его производные. В господствующем дискурсе главное место занимает господствующее означающее. В университетском – знание, в истерическом – субъект (симптом), в психоаналитическом – объект причина-желания. Таким образом, дискурс аналитика противоположен дискурсу гос-

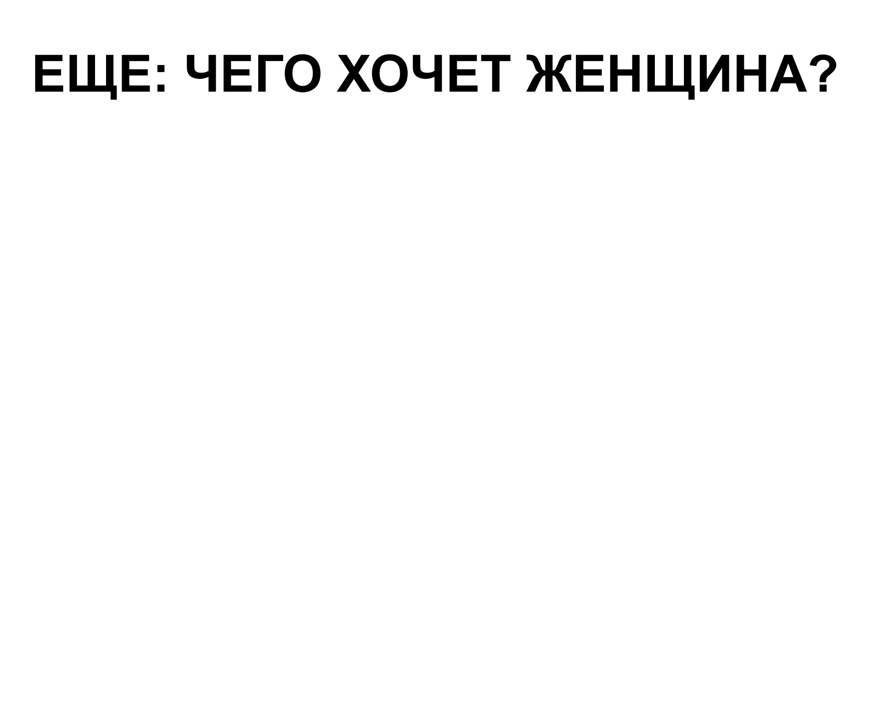
подскому, и психоанализ оказывается подрывной деятельностью. Впрочем, на своих семинарах Лакан, конечно, обращается ко всем четырем типам дискурса.

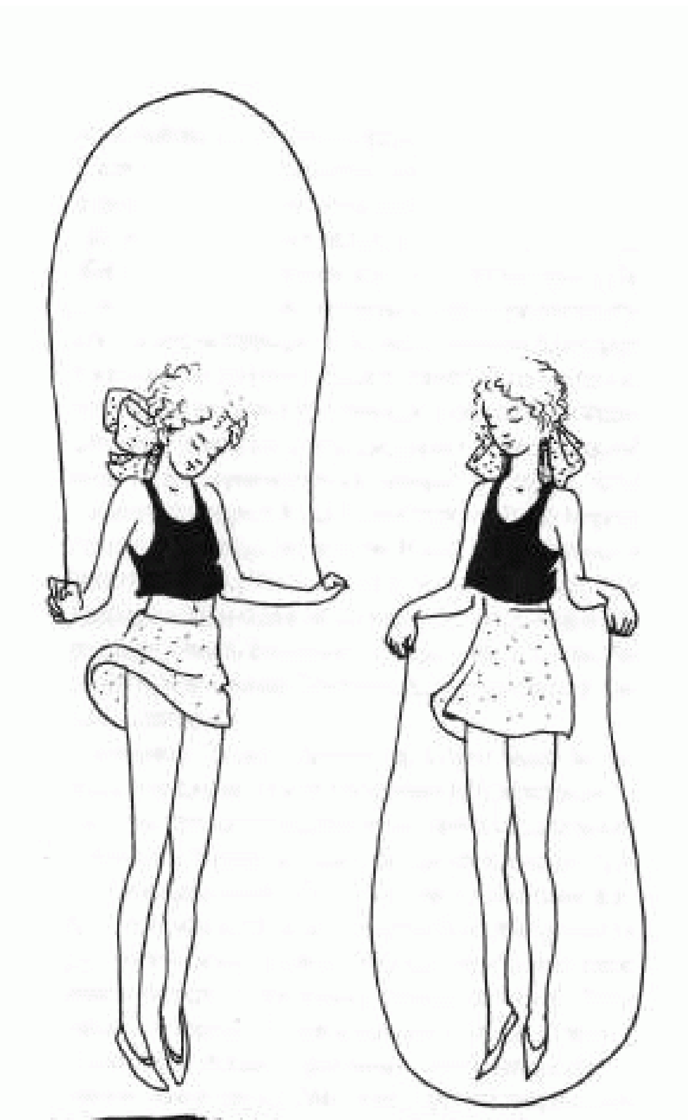
Семинары продолжаются в течение 27 лет, до 1980 года. На протяжении всех этих лет встречи с Лаканом остаются одним из главных событий интеллектуальной жизни Франции. В большой степени благодаря семинарским занятиям Лакана психоанализ не только стал одной из самых престижных профессий во Франции, но и приобрел статус дисциплины, пронизавшей весь корпус гуманитарного знания. В разные годы семинар посещают Клод Леви-Строс и Морис Мерло-Понти, Луи Альтюссер и Поль Рикер, Жак Лапланш и Мишель Лейрис, Жиль Делез и Феликс Гваттари, Жак Деррида и Жан-Франсуа Лиотар, Жан Бодрийяр и Ролан Барт, Эмиль Бенвенист и Жерар Женетт, Жан Ипполит и Жан-Бернар Понталис, Юлия Кристева и Филипп Соллерс…

Семинары Лакана, конечно же, можно было бы назвать и лекциями. Причем лекциями театрализованными, несмотря на отсутствие декораций и специального освещения. Казалось, Лакан обращался к каждому присутствующему лично. Дело было не в понимании всего того, о чем идет речь, а в соучастии, причастности диалектическому процессу. Каждый чувствовал свою вовлеченность в предельно важное событие. Лакан говорил с жаром. О самом важном в жизни. О жиз-

ни. О смерти. О любви. О рождении. Порой делал многозначительные паузы. Замолкал. Пустота продолжала звучать. На семинарском занятии 9 сентября 1981 года он замолчал окончательно. Окончательно ли?

ЕЩЕ: ЧЕГО ХОЧЕТ ЖЕНЩИНА?

Лакан замолчал окончательно? Лакан все сказал? – На семинарских занятиях 1969/70 годов, посвященных «Логико-философскому трактату» Витгенштейна, он анализирует слова философа «о чем невозможно сказать, о том следует молчать». Сказать все невозможно. Всегда имеется остаток. Этот остаток, это не-все [pas tout] делает невозможным окончательную формализацию чего бы то ни было. Лакан постоянно строил теорию не-всего, хотя его собственная жизнь сопровождалась фантазмом «шагреневой кожи»: он стремился овладеть временем, прочитать все книги, посетить все значительные культурные события, собрать все любимые произведения искусства, всех женщин… На семинарских занятиях начала 1970-х годов Лакан говорит о том, о чем сказать невозможно – о женщине, о любви. Как только начинаешь говорить о любви – указывает аналитик, – тотчас превращаешься в имбецила. И все же, как в психоанализе уйти от этих вопросов? Подобно Фрейду, ближе к концу своей творческой деятельности Лакан вплотную подходит к вопросам половых различий, женского, полоролевых стратегий. Хотя о роли матери, например, он писал еще в своей статье о семейных комплексах 1938 года.

В 1950-е годы Лакан рассматривает женщин в соответствии с теорией Леви-Строса об элементарных структурах родства: женщина – объект обмена, циркулирующий, подобно деньгам, в цепи означающих ме-

жду мужчинами. Уже в этот момент Лакан понимает: позиция обмена создает особые сложности в положении женщины. На этих сложностях он подробно останавливается в анализе истории болезни Доры. Дора хочет выйти из системы обмена, перестать играть роль разменной монеты. Только как это сделать?

В своем исследовании проблематики женского Лакан отталкивается, конечно же, от Фрейда. Напомним, для Фрейда психосексуальное развитие идет до эдиповой поры до времени полоролевых идентификаций и у «мальчиков», и у «девочек» одинаково. Одинаково, поскольку сценарий один: нет ни мальчиков, ни девочек. Да и либидо как активная сила описывается в терминах маскулинности. Женское, таким образом, – то, что отклоняется от мужской парадигмы. Женское, для Фрейда, – таинственный «черный континент». Вопрос, который Фрейд так и оставляет без ответа: «чего же хочет женщина?»

На одном из семинарских занятий 1956 года Лакан говорит: вопрос «что такое женщина?» это истерический вопрос, независимо оттого, задается ли им «биологический» мужчина, или «биологическая» женщина. Под женщиной подразумевается женская позиция в символической цепи. Символизации же женского пола как такового не существует, поскольку нет женского эквивалента господствующему означающему, фаллосу. Фаллос один. И в этом – асимметрия полов.

В1972-73 годов Лакан проводит семинарские занятия, известные под называнием «Еще раз: о женской сексуальности, пределах любви и знания». Именно в эти годы звучат его знаменитые утверждения: женщина непостижима для мужчины; сексуальных отношений не бывает; женщины не существует. Перефразируя эти последние слова из семинаров 1970/71 гг. на занятиях «Еще», Лакан ставит акцент на определенном артикле la перед существительным женщина: речь идет не о том, что нет такого существа как женщина, а о том, что она не может быть универсальной, обобщающей категорией. Определение этой категории невозможно. Оно никогда не будет полным. Женщина остается неопределенной в силу нехватки. Она – не-все. Она – Другое мужского.

Такое не-определение сближает женское с истинным. Ведь истина, как и женщина, не исчерпывается логикой, никогда не может быть исчерпана вообще, не может стать всем. На истину, на женское направлено мужское желание. Женщина, – говорит Лакан, – отдает свою любовь тому, кто ее желает. Несуществование женщины не исключает возможности превращения ее в объект желания. Как раз наоборот. Ускользающая от существования, становится она объектом желания. Объектом, с которым можно, в конечном счете, встретиться только в психозе.

Лакан разводит любовь и желание. Будучи вообра-

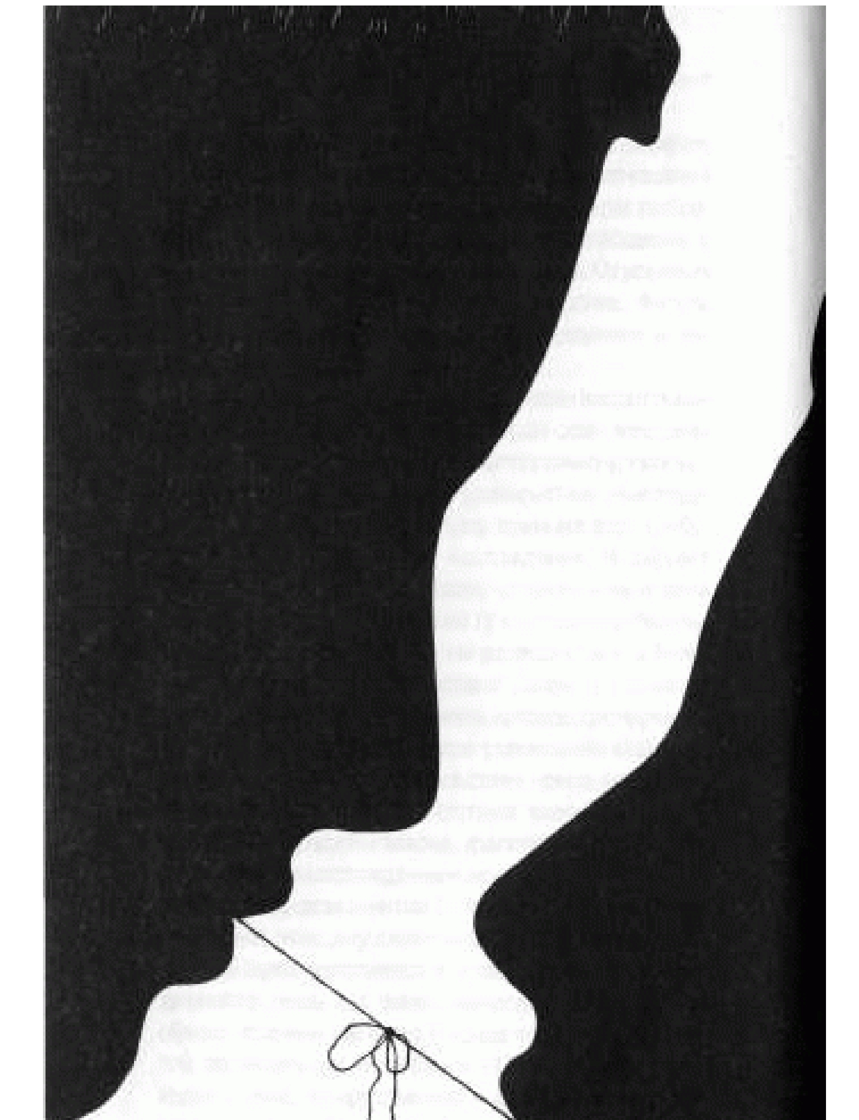
жаемым феноменом, любовь противостоит вписанному в символический порядок желанию. Любовь – метафора, желание – метонимия. Любовь убивает желание, поскольку поддерживается фантазмом единого существования с возлюбленной. Лакан обращает свой взор на фигуру воспетой романтиками Прекрасной Дамы. Нет ничего страшнее для мужчины, чем удовлетворение направленного на нее желания. Парадокс отношений с ней – парадокс постоянного откладывания любовных отношений на потом. Любовные отношения с роковой женщиной – смертный приговор. Отношения эти длятся только благодаря их отсрочке. Фигура Прекрасной ДамЫ воплощает одновременно и наслаждение, и его потерю.

На этих же семинарских занятиях Лакан вводит понятие женского наслаждения, о котором сами женщины не ведают. Наслаждение противоположно удовольствию. Фрейдовский принцип удовольствия действует как предел наслаждению, ведь принцип этот требует от субъекта минимума наслаждения. И субъект постоянно стремится нарушить установленные этим принципом запреты, выйти по ту его сторону. Результат же нарушения закона – не удовольствие, а боль. Это болезненное удовольствие Лакан и называет наслаждением. Наслаждением, которое прочерчивает тропу смерти. Настойчивое стремление выйти по ту сторону принципа удовольствия прямо указывает на влечение

смерти. Неотступное влечение смерти выводит за пределы закона, фаллоса, и становится прибавочным наслаждением женщины.

На семинарском занятии 21 января 1975 года Лакан объявляет женщину симптомом. Симптомом мужчины. Женщина появляется в мужской экономике психического лишь как фантазмический объект а, как объект-причина желания. В конце семинарских занятий, посвященных женскому, в 1973 году Лакан переходит к теме, которую можно считать кульминацией его творчества. Тема эта – борромеевы узлы.

УЗЛЫ

Разбирая мысль Витгенштейна «то, о чем нельзя сказать, иногда можно показать», анализируя эту оппозицию показывать/говорить, Лакан указывает на алгебраическую формулу, матему как на способ ее преодоления. Кроме того, матема это еще и формула знания, противоположная мифеме Леви-Стро-са. По идее Лакана, матема должна содействовать передаче психоаналитического знания. Обращение Лакана к математике не нацелено на формализацию психоанализа. Ему хорошо известна теорема Геде-ля: полная формализация теории невозможна. Ему хорошо известна опасность тотальной систематизации. Ему памятен отказ Фрейда от описания психического аппарата языком физики. Лакан интересуется математикой и кибернетикой с самого начала 1950-х годов. Такого рода интерес связан не только с активным развитием этих дисциплин, не только дружбой с математиками, но и с общей с Леви-Стросом и Бенвенистом работой над структурами. Структурализм, кибернетика, топология должны установить связь между гуманитарным знанием и математикой. Лакан говорит о точных науках и науках, основанных на предположении. К этим последним и относятся психоанализ и кибернетика как наука о комбинации мест как таковых.

Интерес к комбинации мест, к топологии в психоанализе связан с именем Лакана, однако топология действует в психоанализе по сути дела со времен появле-

ния психоанализа на свет. Понимая недоступность психики непосредственному изучению, Фрейд обращается к моделированию, к построению топик психического аппарата. Он говорит о психических локальностях, которые не следует путать с локаль-ностями физическими, значимыми в анатомии.

Топологическое пространство не ограничено двух– и трехмерными фигурами геометрии Евклида. Фрейд, говоря о своих топиках, подчеркивает: речь идет о близости, соседстве, взаимодействии, удаленности, а не о физическом пространстве. Лакан говорит о топологии как о чисто умозрительном средстве представления понятия «структура», имеющего первостепенную значимость для понимания работы символического порядка. Лакан критикует Фрейда за излишнюю наглядность его знаменитой топологической схемы из книги «Я и оно», которую большинство читателей принимает за чистую монету, за непосредственную иллюстрацию психического. Читатели соблазняются воображаемым. Свидетельством тому служит, в частности, вытеснение сегодня, в начале XXI века, понятия бессознательное и замещение его «подсознанием», термином, которым Фрейд призывал не пользоваться, поскольку оно контрабандой провозит в психоаналитическую топику физическую локальность.

Лакан утверждает: среди основных геометрических фигур, описанных Евклидом, – плоскости, линии, сфе-

ры – не хватает самой важной. Эта фигура – кольцо. Значение кольца состоит в том, что оно демонстрирует пространство первичной дифференциации внешнего и внутреннего. В 1950-е годы Лакан говорит о кольце, подчеркивая, что любая точка в его центре находится и в пределах кольца, и за его пределами.

Впоследствии на смену кольцу в топологии Лакана приходит лента Мёбиуса. Эта фигура показывает переходность в психоанализе фундаментальных оппозиций структурализма – внешнее/внутреннее, означающее/означаемое, любовь/ненависть, сознательное/бессознательное. Один элемент оппозиции незаметно перетекает в другой. Так, бессознательное не спрятано в глубине, где-то под сознанием. Оно вне такого рода топологии. Оно лишь оставляет следы, осмысляемые сознанием. Оно – в сознании. Оно всегда уже на поверхности и его никогда на поверхности нет.

С начала 1970-х годов интерес Лакан смещается с простых поверхностей, к каковым относится и лента Мёбиуса, к сложным пространственным фигурам – к узлам. Топология, для Лакана, – совершенно неметафорический способ изучения символического порядка и его взаимодействия с реальным и воображаемым. Топология не представляет структуру. Топология и есть структура.

Постепенно Лакан обнаруживает особый узел – бор-

ромеев. Этот узел включает три связанных друг с другом кольца. Все кольца равны между собой. Каждое кольцо связано с двумя другими. Эти три кольца были в XIV веке символом миланской семьи Борромео.

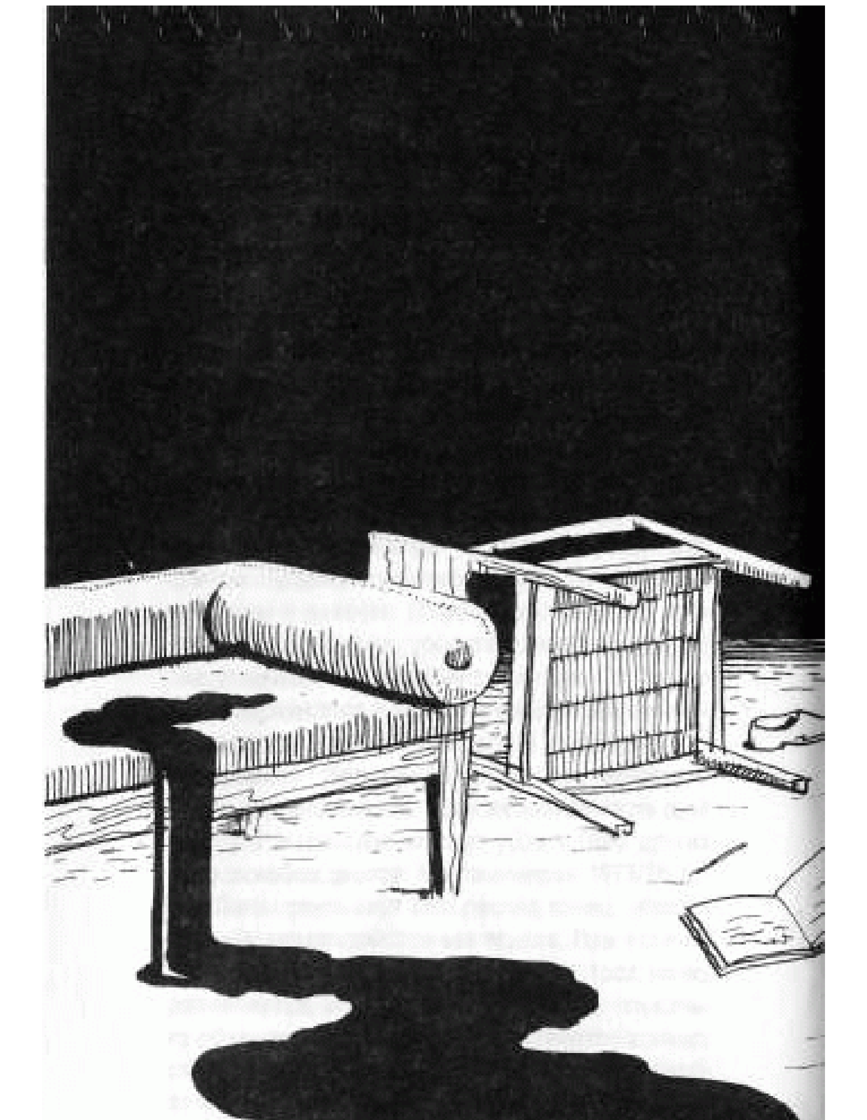
Лакан начинает разговор о борромеевом узле на семинарах 19J2/73 годов, и посвящает следующий учебный год его детальному анализу. Бор-ромеев узел связывает воедино три порядка – воображаемый, символический, реальный. Три кольца это, прежде всего, три отверстия, три нехватки, три дыры. Дыра в символическом – описанное Фрейдом первовытеснение. Дыра в воображаемом – фаллос как пробел в образе тела, причем независимо оттого, идет ли речь о мальчике, или о девочке. Дыра в реальном это пропасть между полами, представляющая формулу: сексуальных отношений не существует. В отверстиях зарождаются и разворачиваются влечения – оральное, анальное,голосовое и зрительное.

Борромеев узел представляет как независимость каждого кольца, так и их зависимость друг от друга: если одно кольцо убрать, два других тоже освобождаются. На семинарах 1975/76 годов Лакан описывает этот распад колец, обретение ими независимости как психоз. При этом он описывает случай, когда цепочка из трех колец рассыпается, но психоз не наступает, поскольку обнаруживается еще одно, четвертое кольцо, скрепляющее порядки. Это кольцо Лакан называет

словом синтом.

СИМПТОМ/СИНТОМ

Вслед за Фрейдом Лакан говорит: невротический симптом – след бессознательного, компромиссное образование, возникающее в результате конфликта между желаниями. Вслед за Фрейдом Лакан осмысляет симптом как возврат вытесненного, только вот возвратом его уже назвать нельзя, поскольку аналитик видит в симптоме скорее будущее, чем прошлое. Вслед за Фрейдом Лакан слышит, как в ходе психоаналитического сеанса симптом выговаривается, как бессознательное проговаривается. В «Римской речи» Лакан говорит о разрешении симптома в анализе языка, поскольку сам он, этот симптом, структурирован как язык. Симптом – язык, речь которого должна быть высвобождена.

В разные годы Лакан отождествляет симптом с различными чертами языка. Так в 1953 году он говорит: симптом – означающее. Именно это позволяет ему утверждать отличие психоаналитических представлений о симптоме от представлений медицинских. По Лакану, симптом вообще был изобретен не Гиппократом, а Марксом. Подобно товарному фетишу, симптом укоренен в социальном. Если симптом – это означающее, то он не может быть чем-то универсальным. Каждый симптом – уникальный продукт, созданный неповторимой историей субъекта. Кроме того, если симптом – означающее, то нет жесткой связи между ним и невротической структурой субъекта. Сам по себе симптом не

может быть истерическим или обсессивным. Симптом не может служить основанием для диагностики расстройства. Чтобы сказать, у этого пациента – невроз навязчивых состояний, а у того – истерия, нужно основываться не на предъявляемых им симптомах, а на том вопросе, который заставляет человека говорить.

Помимо формулы «симптом это означающее» у Лакана, конечно же, есть и другие представления. Иногда он отождествляет симптом не с означающим, а с процессом означения, с обретением значения, с истиной. В 1957 году Лакан говорит: симптом – это метафора. Причем, то, что симптом – метафора, метафорой не является. Будучи метафорой, симптом оказывается вписанным в текст.

Еще один подход, кибернетически-психоаналитический: симптом – это послание. В 1961 году Лакан говорит, что симптом – это загадочное послание, которое субъект воспринимает как послание из реального, не догадываясь о том, что отправлено оно им самим.

Понимание симптома достаточно резко меняется у Лакана в 1962 году, когда он начинает осмыслять его не только в терминах лингвистики, но и как наслаждение, которое не поддается истолкованию. Симптом – не обращение к Другому, а никому не адресованное наслаждение. В конце концов, в 1974 году переосмысление симптома приводит к введению нового понятия – синтом.

Sinthome. Такова была орфография этого слова в XIV веке. На семинарских занятиях 1975/76 годов Лакан показывает, что симптом тождественен письму, поскольку, он организован подобно ребусу, исходя из комбинаций букв, и поскольку он подлежит расшифровке. Теперь симптом = означающая буква + наслаждение. Симптом – то, что позволяет жить, согласно уникальной организации наслаждения. Откуда и переосмысление задачи психоанализа: окончание анализа подразумевает идентификацию с синтомом. Синтом, подобно букве и наслаждению, подобно галлюцинации, возвращается из реального.

Семинарские занятия этого года связывают интерес Лакана к топологии и математике, которым был посвящен предыдущий год, с исследованием особенностей текста Джеймса Джойса. Синтом пронизывает борромеевы кольца воображаемого, символического, реального. Синтом связывает их, удерживает от распада, к которому они центробежно устремлены.

16 июня 1975 года Лакан открывает в Париже 5-й международный симпозиум по Джойсу. Он выступает с лекцией, которую называет «Симптом-Джойс». Лакан показывает: письмо Джойса – аппарат, сущность, абстракция симптома. Читатель «Поминок по Финнегану» сталкивается с буквальной травмой языка. Используя слово синтом вместо симптома, Лакан подчеркивает: симптом – замена истины, синтом – сама истина.

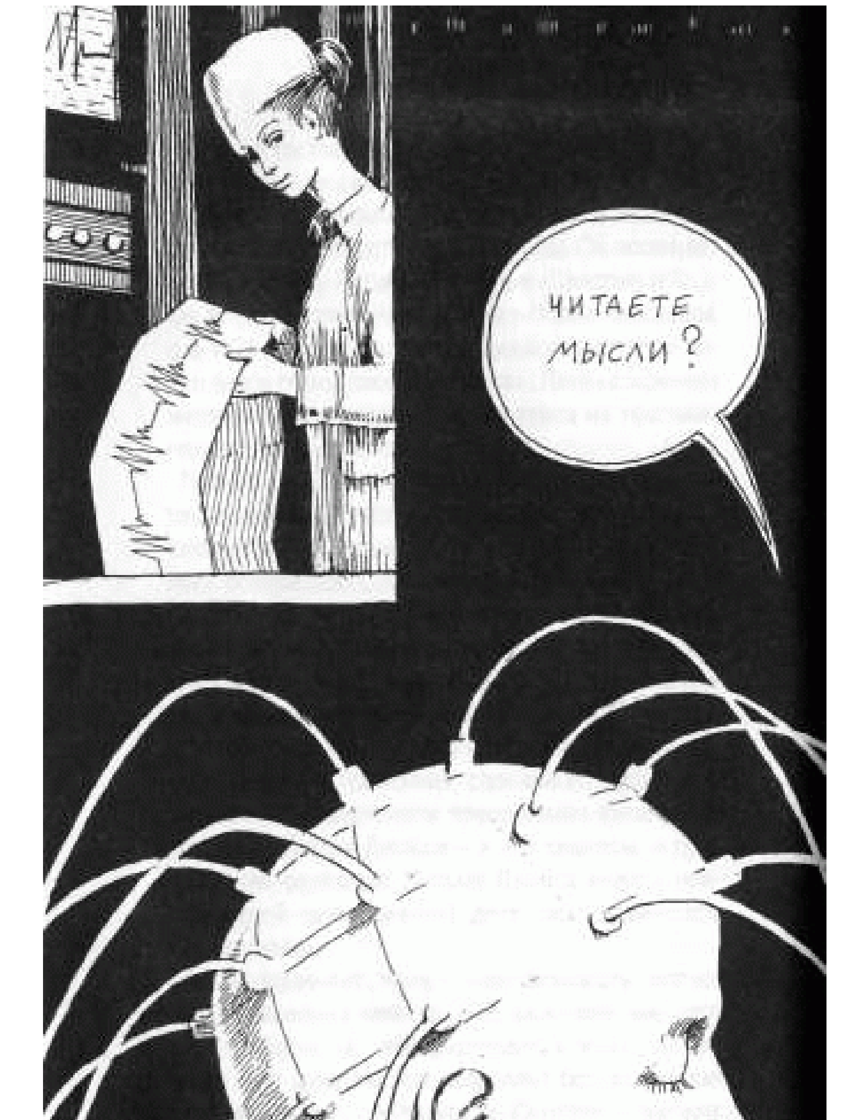
Вслед за Фрейдом Лакан обращается к литературе. Для понимания функции означающих примером ему послужил рассказ о похищенном письме Эдгара По, для понимания симптома – само письмо Джеймса Джойса. Лакан оказался вовлеченным в жизнь писателей уже в юности, в 1920-е годы. Он посещает книжную лавку Адриенна Моннье «Шекспир и Ко.», где встречается с Андре Жидом и Полем Клоделем, а в 1921 году – с Джеймсом Джойсом, который читал здесь главы своего «Улисса». Лакан сохраняет интерес к творчеству этого писателя на протяжении многих десятилетий.

Письмо Джойса – не просто так называемый поток сознания, близкий автоматическому письму сюрреализма. Письмо его – история о невыразимых содержаниях, которые можно назвать даже не симптоматичными, а синтональными. Основа этого феномена психотическая – провал Имени Отца. Однако симптома как такового нет, поскольку его компенсирует само письмо, искусство письма. В истории с Джойсом речь идет не о болезненном симптоме, а о симптоме сделанного писателем открытия – возможности преодоления витального дефекта. Синтом Джойса – и его симптом, и преодоление симптома. Письмо Джойса вместо психотической симптоматики дает синтоматическое наслаждение.

Лакан понимает теперь невозможность полного истолкования симптома. В симптоме имеются длитель-

ности, не интегрируемые в язык. Теперь симптом в духе Маркса позволяет бросить вызов тирании, диктату говоримости. Симптом – признак сопротивления. Знак частной этики.

ЭТИКА ЖЕЛАНИЯ

ЧИТАЕТЕ МЫСЛИ?

Лакан убежден: этические вопросы занимают центральное место в психоаналитической практике. Для него статус бессознательного не онтологический, а этический. Ничего странного, что этике в психоанализе он посвящает целый учебный год. На семинарских занятиях 1959/60 годов Лакан показывает, – этика Фрейда – этика в духе Спинозы: единственное, в чем можно быть повинным, – пойти наперекор собственному желанию. Основным тезисом лакановской этики становится лозунг «не отступайся от своего желания!»

Этические сложности в психоанализе возникают уже с фрейдовского противопоставления общественной морали «аморальным» сексуальным влечениям субъекта. Этот конфликт, по Фрейду, ответственен за невротизацию. В 1920-е годы, однако, такое противопоставление становится для него неоднозначным. В отношениях субъекта с моралью появляется «внутренний» посредник– инстанция сверх-я.

Один из вопросов, которым задается Лакан: как аналитику реагировать на патогенную мораль, действующую посредством сверх-я? Этика психоанализа – не этика вседозволенности. Аналитик стоит перед моральной дилеммой. Он не может стать на сторону репрессивной общественной морали, ибо она патогенна. Не может он занять и позицию потакания всем желаниям. Потворствовать желаниям – все равно оставаться в том же этическом поле. Как же соблюсти нейтраль-

ность, к которой призывал Фрейд?

Ответ Лакана: нейтральной этической позиции вообще не существует. Аналитик не может избежать этических вопросов. Этическая позиция наиболее ясно обнаруживается в том, как аналитик выражает цели анализа. Этика Лакана – этика отношения действия к желанию. Главный вопрос: действовал ли ты в соответствии со своим желанием?

Лакановская этика противоречит традиционному кодексу. Традиционная этика базируется на понятиях Добра, Блага. Для психоанализа же добро – препятствие на пути желания. Психоаналитическая этика отрицает все идеалы, включая идеалы «счастья» и «здоровья». Желание аналитика не может быть желанием «делать добро» или «лечить». И еще, если традиционная этика основывается на гедонистической связи между добром и удовольствием, то традиционная этическая мысль развивалась по пути гедонизма. Психоаналитическая этика, однако, не может принять такую позицию, поскольку аналитический опыт обнаруживает двуличный характер удовольствия.

В1962 году Лакан пишет предисловие к тому сочинений Маркиза де Сада «Кант с Садом». Эта статья возникла под влиянием, написанной 1944 году Хоркхайме-ром и Адорно книги «Диалектика просвещения», в которой де Сад противопоставляется Канту. Сопоставляет их Лакан на семинаре 23 декабря 1959 года.

Он показывает: смысл садовского зла тот же, что и кан-товского добра. Оба говорят о подчинении субъекта закону. Де Сад высказывает истину этики Канта. Дело не в том, что Кант – скрытый садист, а в том, что де Сад – скрытый кантианец.

Категорический императив де Сада в версии Канта звучит так: пользуйся телом другого для собственного безграничного наслаждения. Де Сад описывает отсутствующую фигуру Канта – фигуру того, кто высказывает моральный Закон. Моральный закон выражает палач-мучитель.

Рассуждения Лакана о законе Канта и желании де Сада имеют прямое отношение к фигуре психоаналитика. Каково его желание? Если на семинарских занятиях, посвященных этике, Лакан говорит о нем как о чистом желании, то есть желании как таковом, без объекта, то впоследствии желание аналитика – структурирующая, символизирующая сила. Аналитик должен занять такую позицию, чтобы анализант сумел не идентифицироваться с ним, а найти свое желание в своих соотношениях с желанием Другого. Аналитик должен быть в позиции объекта причины-желания, а не объекта, на котором анализант может удовлетворить свое желание. Фрейд говорит: я должно прийти на то место, где было оно. Лакан добавляет: я должно следовать своему желанию, и в этом – выполнение собственного долга.

Диспозицию психоаналитика, его этическую позицию Лакан осмысляет в связи с фигурой Антигоны. Желание аналитика – желание Антигоны. Это желание как таковое, чистое желание, желание ничто, желание смерти, поскольку смерть – предельное ничто. Дочь фиванского царя Эдипа, предавшая вопреки запрету царя Креонта погребению тело своего брата Полиника, превращается в ключевую фигуру. За нарушение закона своего дяди Креонта Антигона оказывается в темнице, где кончает жизнь самоубийством. Лакан формулирует свое положение о свободе: человек свободен, как говорил Спиноза, лишь в своем желании свободы, желании, которое дает ему свободу умереть, подобно Антигоне, но человек этот вынужден подчиняться коллективности, в которой добро и зло правят одним и тем же императивом.

История Антигоны Софокла – история отношения живых и мертвых. Трагическая героиня, Антигона выходит по ту сторону служения добру. Она создает символический симптом. Желание аналитика – не желание понять анализанта, ведь такое понимание все равно было бы иллюзией. Аналитик основывает процедуру анализа на не-понимании. Это не-понимание напоминает о завете Фрейда, призывавшего при встрече с каждым новым пациентом предавать свой опыт и знания забвению, ибо только это не-понимание может позволить признать уникальность субъекта. Это не-пони-

мание уподобляет психоаналитика, по Лакану, Сократу в последние дни его жизни, или западному мастеру дзен.

Все эти соображения позволяют Лакану сказать в венской лекции 7 ноября 1955 года «Фрейдовская вещь, или Смысл возвращения к Фрейду в психоанализе», что позиция аналитика – позиция мертвого. Аналитик занимает место мертвеца, молчащего Другого. Вопрос этики – вопрос отношения с другим, отношения я и Другого, отношения в коллективе.

РАБОТА В ГРУППАХ

Какую этическую позицию занял Лакан в годы второй мировой войны? Он просто не написал ни единой строчки. С 1940 году он работал в военном госпитале в оккупированном Парижа. После окончания войны Лакан погружается в проблему индивидуального и коллективного, задается вопросом о возможности фашизма, обращается к тому, что занимало немногим ранее и Фрейда, и Райха, и Батая: объединение людей в группы. Лакан анализирует силы, соединяющие людей.

В сентябре 1945 года он приезжает в Англию, где в течение пяти недель изучает опыт работы британских психиатров и психоаналитиков в годы войны. Его привлекают общие вопросы, такие как роль психиатрии в победе в войне и влияние войны на психиатрию. Особенно его интересует опыт работы Вильфреда Биона и Джона Рикмана, с которыми он знакомится во время своего визита в Англию. Новаторские методы групповой работы, использованные этими английскими специалистами, производят на него сильное впечатление. В 1947 году Лакан пишет статью «Английская психиатрия и война», которая выходит в журнале «Психиатрическая эволюция».

Он отмечает: английские психиатры активно пользуются психоаналитической терминологией и аналитическими методами работы. Дух психоанализа распространяется на работу в группах. Лакан заинтригован как группами, центрированными фигурой психоанали-

тика, так и работой в группах без терапевта, которой занимается ученик Мелани Клайн Вильфред Бион. Более того, он проявляет интерес и к медицинским коллективам, так называемым medical teams.

В 1921 году Фрейд в книге «Массовая психология и анализ человеческого я» показал, как толпа структурируется по двум осям: идентификации с отцовскими фигурами образуют вертикальную ось, отношения с себе подобными другими – горизонтальную. Лакан отмечает, что Фрейд поставил особый акцент на вертикальные идентификации. Фрейдовская схема, таким образом, может быть приложена к фашизму, иерархически структурированному, поддерживаемому вертикальной иерархией, увенчанной фигурой лидера. Однако в демократической толпе и в семье индустриального общества, в котором образ отца пал, куда более важными оказываются узы, устанавливающиеся на оси горизонтальной.

Лакан не ограничивается сторонним анализом коллектива. Групповая работа характеризует и внутрип-сихоаналитические разработки. Так основной рабочей единицей теоретически психоаналитической деятельности в основанной Лаканом Фрейдовской школе Парижа становится картель.

Картель – группа из четырех аналитиков + 1. Четверо занимаются разработкой избранной психоаналитической темы, а пятый, так называемый «+1», действу-

ет как «наблюдатель», супервизирующий работу группы. Картель действует в течение двух лет, после чего прекращает свою деятельность. Такое ограничение во времени вызвано необходимостью избежать так называемого эффекта «склеивания». Картели действуют до настоящего времени и играют значительную роль в подготовке лакановских аналитиков. Создавая такого рода малые группы, Лакан стремился, в частности, избежать всех тех проблем, которые возникают при массированной институциализации, при учреждении таких структур, в частности, как Международная психоаналитическая ассоциация.

Помимо картелей, еще одной лакановской инновацией, связанной с работой психоаналитических коллективов, стал переход. Переход – эпизод превращения анализанта в аналитика, ступень, ведущая с кушетки в кресло. Лакан ввел эту процедуру в 1967 году и применил ее в работе Фрейдовской школы Парижа.

Нововведение заключается в том, что кандидат на «звание» аналитика Школы не предстает сам перед лицом жюри, а выбирает несколько человек из членов Школы, которые его представляют. Он убеждает их в тех причинах, которые позволяют ему считать свой анализ завершенным. Он говорит, почему хочет быть аналитиком. Излагает историю анализа. Излагает связно.

Один из известных психоаналитиков, переживших

переход, Стюарт Шнейдерман пишет, что такой подход позволяет избежать влияния личного присутствия кандидата на членов жюри. Кандидат должен показать, как он может говорить устами других. Говорить из дру/ого места. Избранные им «послы» при этом не пересказывают историю кандидата, а излагают, какое влияние эта история оказала на них. В речи для телевидения Лакан провозглашает: аналитика никто не уполномочивает, кроме него самого… Я устанавливаю в Школе критерий «перехода»…

Жюри присуждает (или нет) анализируемому звание «Аналитика Школы». Эта процедура «перехода» стала единственной официальной частью программы Школы. Вся остальная ее деятельность была основана на индивидуальном выборе и индивидуальной ответственности; даже желание практиковать анализ может быть реализовано самостоятельно. Впрочем, после роспуска Фрейдовской школы Парижа Лакан высказывался о переходе как о неудачном опыте.

Работа в группах, структура коллектива, силы, связывающие людей, ситуация перехода с позиции на позицию – все это неразрывно связано с вопросом институтов и институциализации. Причем вопрос «Психоанализ и Институт» оказывается особенно проблематичным. И даже болезненным. Передача знания необходима. Объединения неизбежны. Но как быть с неотвратимой бюрократизацией и регламентацией систе-

мы в рамках института, как быть с догматизацией знания в ее пределах?

ИНСТИТУТЫ И РЕФОРМЫ

СЕГОДНЯ
НЕВОЗМОЖНО ПРЕДСТАВИТЬ
ПРОИЗВЕДЕНИЕ ИСКУССТВА
БЕЗ ЗВУКА

Институты, их учреждение и роспуск, реформы и расколы сопутствуют Лакану. Он не просто личность, но – сама публичность. К взрыву влияния Лакана во Франции приводит в 1966 году публикация тома его «Сочинений». Он становится настоящим феноменом французской культуры. Феномен, как и положено, окружен скандалами. В интеллектуальных парижских кругах он – звезда, перманентный революционер психоанализа. В1969 году директор Высшей нормальной школы запрещает проведение его семинаров под предлогом бесконечных разговоров о фаллосе, а также из-за множества дорогих автомобилей, припаркованных во время его лекций перед Школой. Сам Лакан-звезда появляется в Школе в стильном фиолетовом костюме в широкую клетку, сером каракулевом пальто, с неизменной гнутой сигарой, в сопровождении секретаря Глории и ее конголезского мужа. Полноправным членом Парижского психоаналитического общества он становится в 1938 году, в 1948 году – членом Комитета ППО по обучению, ответственным за организацию и проведение дидактического анализа и супервизий. 20 января 1953 года его избирают президентом ППО.

Через полгода, 16 июня, он оставляет этот пост и присоединяется к Французскому психоаналитическому обществу, организованному Даниэлем Лагашем, Франсуазой Дольто, Жюльетой Фаве-Бутонье, Сержем

Леклером, Владимиром Грановым и Франсуа Перье. Лагаш, Лакан и другие выступают против догматичного, авторитарного преподавания психоанализа в ППО. В июле того же года члены ФПО получают уведомление о том, что больше они не являются членами Международной психоаналитической ассоциации. Впоследствии Лакан называет МПА «Обществом Взаимной Защиты от Аналитического Дискурса». В передаче, записанной для телевидения, он скажет о руководящих психоаналитиках МПА, что они не желают слышать о том дискурсе, которым обусловлено само их существование. Лакан – enfant terrible благопристойного психоаналитического сообщества. В 1961 году руководство МПА соглашается признать ФПО на том условии, что Лакан и Дольто откажутся от проведения обучающего анализа, перестанут готовить своих сторонников. 19 ноября 1963 года собрание ФПО большинством голосов принимает выдвинутые МПА условия. Лакан исключен из МПА. Сам он подчеркивает, что не хотел этого изгнания. Не было у него желания выходить из ассоциации, учрежденной когда-то Фрейдом.

Главное обвинение, предъявленное Лакану, – проведение коротких психоаналитических сеансов. По логике Лакана, длительность сеанса определяет только аналитик. Причем Лакан – не первый, кто экспериментирует с продолжительностью сеанса. Этим занимался еще Шандор Ференци. Четко установленное

время сеанса в пятьдесят минут, по Лакану, предоставляет ана-лизанту возможность защиты от анализа. Заранее оп-ределенныйвременнойрегламент-предустановленная форма сопротивления. Часы, стандарты и так господствуют в остальной жизни, за пределами психоаналитического кабинета. Непредсказуемое же время окончания сеанса должно интенсифицировать свободные ассоциации. Окончание сеанса, подобно смерти, приходит неожиданно. Нужно успеть сказать все, что приходит в голову. Инстанция я уже не может господствовать на коротких сеансах. Более того, короткие сеансы призваны сделать более напряженным самоанализ между встречами с аналитиком.

21 июня 1964 года 80 человек собирается на квартире Франсуа Перрье в ожидании знаменательного события – Лакан должен объявить о разрыве с ФПО и об учреждении своей собственной школы. Вместо Лакана звучит магнитофонная запись. Голос Лакана объявляет учреждение «Фрейдовской школы Парижа». Среди членов новой организации – Франсуа Рустанг, Феликс Гваттари, Люс Иригари.

В 1968 году последователи Лакана учреждают кафедру психоанализа в знаменитом Университете Вансан. Возглавляет ее Серж Леклер. В1974 году кафедра реорганизуется в институт под названием «Фрейдовское поле» с Жака Лаканом на посту директора и Жаком-Алэном Миллером в роли президента. В 1979 году

создается «Фонд фрейдовского поля», директором которого становится дочь Лакана, Жюдит Миллер. В июле

1980 года на первой международной конференции

«Фрейдовского поля» в Каракасе Лакан обращается к психоаналитикам: решайте сами, быть вам лакание-тами или нет; сам же я – фрейдист.

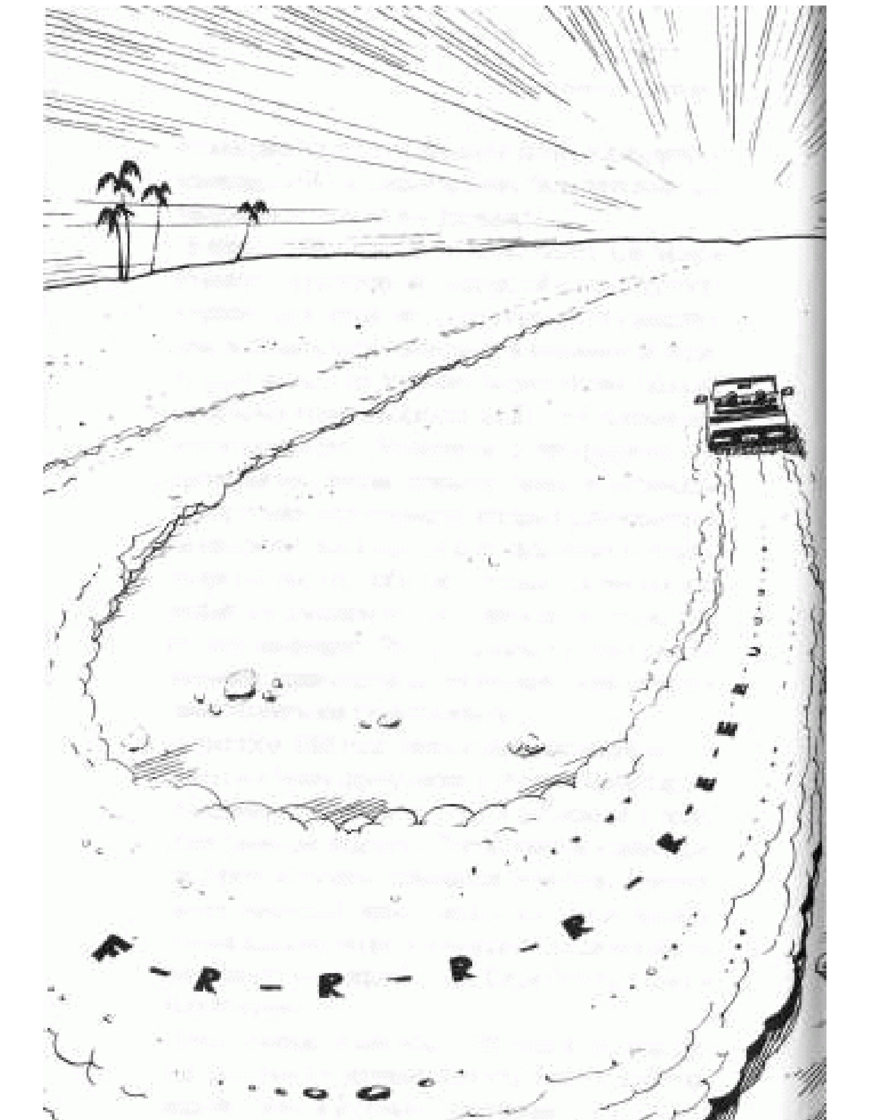
5 января 1980 года Лакан через газету «Ле Монд» объявляет о роспуске «Фрейдовской школы Парижа» и просит всех, кто хочет продолжать работу вместе с ним, изложить свои намерения в письменном виде. За одну неделю он получает тысячу писем. Одна из возможных причин роспуска ФШП – ее чрезмерная институализация. Объявление о прекращении существования Школы открыло также возможность преодоления того переноса, который установился в ее пределах. Жест Лакана был направлен не столько против тех, кто любил его, сколько против тех, кто любил его слишком сильно, равно как и против тех, кто его ненавидел. Роспуск Школы означал для ее учеников: пора отделяться от учителя, пора начинать самостоятельное существование.

В октябре 1980 года Лакан учреждает еще один институт – «Школу фрейдовского случая». Целью этого объединения становится работа с Лаканом в поле, обнаруженном Фрейдом. После смерти Лакана директором «Случая» становится Жак-Алэн Миллер. Через не-

которое время несколько самых видных членов ассоциации из нее выходят. Среди них Франсуаз Дольто, Мустафа Сафуан, Серж Леклер, Октав и Мод Маннони.

Лакан умирает 9 сентября 1981 года в Париже. Перед смертью он успевает кое-что сказать. Его последние слова: я упрямый… я исчезаю…

ПРОГРАММА:
ВОЗВРАТ К ФРЕЙДУ!

2 мая 1951 года Лакан выступает перед Психоаналитическим обществом города Лондона с докладом «Некоторые соображения по поводу эго», в котором объявляет о возврате к Фрейду. Жак Лакан, подобно магу и волшебнику, находит в корпусе текстов Фрейда все свои открытия. На семинаре 13 января 1954 года он утверждает: я говорю вам только то, что есть у Фрейда.

Возврат к Фрейду в 1951 году означает и поворот Лакана к созданию своей школы. Идеологическое расхождение во взглядах с магистральной линией американского психоанализа Лакан декларирует, впрочем, еще раньше, в 1936 году, когда в речи перед Парижским психоаналитическим обществом: человек не приспосабливается к действительности, а приспосабливает ее к себе. Этот подход сближает его с рядом британских аналитиков. В статье 1957 года, «Инстанция буквы в бессознательном, или судьба разума после Фрейда» Лакан говорит о скверном психоаналитике, который появляется на арене в связи с тем, что психоаналитики вовсю стараются построить модель благонамеренного психоанализа, венцом которого является социологическая поэма об «автономном эго».

В 1953 году, в программной «Римской речи» Лакан говорит о произошедшей за очень короткий срок вульгаризации выработанных Фрейдом понятий в обыденном сознании. Психоаналитические понятия оказались замурованными в стену языка. Нужно вернуть эти по-

нятия, а вместе с ними и психоанализ к живой, подвижной мысли Фрейда. Возврат к Фрейду, однако, не означает подражание основоположнику психоанализа. Это было бы, понимает Лакан, делом совершенно безнадежным. Если мы хотим, чтобы речь наша вернула себе действенность речи Фрейда, – призывает он, – то нужно обратиться не к терминам, а к лежащим в их основе принципам. Принципы эти – не что иное, как диалектика самосознания, восходящая к Гегелю и Сократу.

На одном из семинарских занятий 1973 года Лакан говорит, что хотел заключить «новый союз» со смыслом фрейдовского открытия. Почему он постоянно, настойчиво говорит о возврате к Фрейду? Потому что возврат востребован. В 1950-е годы многим школам психоанализа уже не до Фрейда, о котором они знают «из вторых рук», не по его собственным текстам, хотя бы и в переводе, а из книг о Фрейде. Эта востребованность между тем существует, безусловно, и сегодня, когда расстояние до его текстов уже столь далеко, что слова Фрейда, воспроизводимые агентами средств массовой информации, зачастую имеют смысл противоположный тому, что он писал. Более того, сегодня у нас есть возможность возвращаться к Фрейду и по траекториям, намеченным Лаканом.

О возврате к Фрейду Лакан говорит и в своей лекции в городе Фрейда, в Вене, 7 ноября 1955. Эта лекция

«Вещь Фрейда, или смысл возврата к Фрейду в психоанализе» будет им включена в избранные «Сочинения». В ней излагается программа «возврата», смысл которого состоит в «возврате смысла Фрейда, и в основе этого смысла лежит открытие Фрейда, поставившее под вопрос Истину. Истине во многом и будут посвящены семинары Лакана в Больнице Святой Анны 1953/54 годов, „Работы Фрейда по технике психоанализа“.

Итак, Лакан провозглашает программу «Возврат к Фрейду». Однако, практически каждый, кто называет себя психоаналитиком, ссылается на Фрейда. Многие школы настаивают на своей приверженности идеям Фрейда. Лакан тем временем настаивает на том, что мысль Фрейда была предельно упрощена и социально адаптирована к господствующей научной идеологии усилиями ряда школ, в первую очередь эго-психологии. Эго-психология парализовала психоанализ не только упрощением мысли Фрейда, но и жесткой ее систематизацией, причем, в психологической парадигме. «Тройка» основоположников, Крис, Хартман, Лёвештейн и их соратники и последователи как будто сами настолько хотели адаптироваться в американской культуре, забыть Европу вместе с Фрейдом, как бы устранить травматичные воспоминания, что психоанализ и был вытеснен и замещен эго-психологией.

Одна из задач возврата к Фрейду – борьба с несвойственным его текстам однозначностью, система-

тичностью, догматичностью. Дискурс, происходящий в бессознательном, дискурс о бессознательном должен быть разнородным и многозначным.

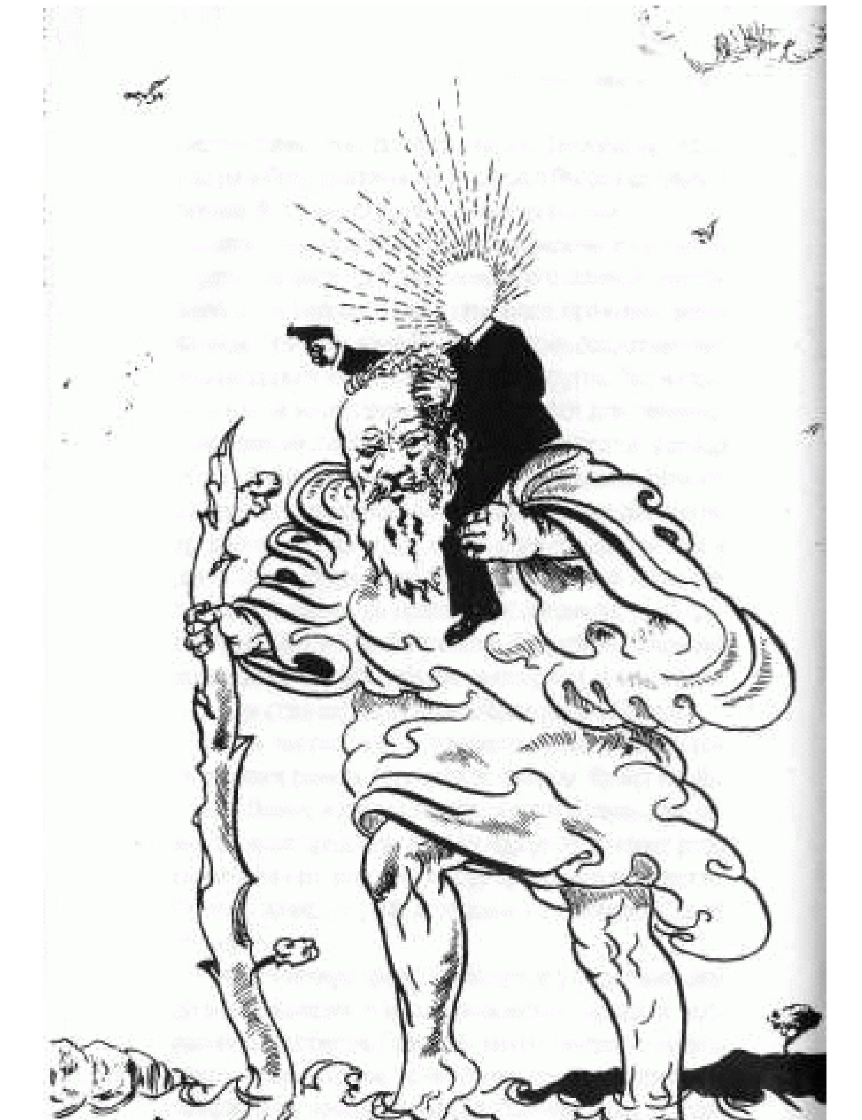
Возврат предполагает вместо спорадического чтения отдельных работ рассмотрение всего корпуса текстов Фрейда «в целом». Лакан стремится прочитать всего Фрейда. При этом, конечно же, «в целом» подразумевает чтение одного текста сквозь призму других. Так, например, одной из основополагающих работ для семинарских занятий 1953/54 годов становится статья Фрейда «Отрицание», которую Лакан считает фундаментальной для понимания психоанализа. Семинарские занятия не предполагают монолога, но не ограничиваются они и диалогом со студентами. В Больницу Святой Анны, где проходят занятия, он приглашает специалиста по философии Гегеля Жана Ипполита. С различных позиций проводится тщательнейший, многогранный анализ нескольких страниц, написанных Фрейдом в 1925 году.

Причем анализ текста осуществляется в психоаналитических рамках переноса, в котором Фрейд как бы задает Лакану вопросы, на которые тот должен дать ответ. Возврат предполагает, что корпус этот играет роль своеобразного оракула, которому задаются вопросы. Причем, зачастую речь идет даже не о вопросах, а об апориях.

Возврат к Фрейду предполагает работу по дальней-

шей дифференциации психоаналитических теорий и восполнение пробелов. При этом важно не просто читать текст психоаналитика, но читать его психоаналитически, по правилам, предписанным бессознательным. По правилам равнораспределенного, рассеянного внимания.

* * *

Идея этой книги родилась во время семинарских занятий со студентами Международного института глубинной психологии в Киеве, заинтересованность которых в идеях Лакана была поддержана руководством института в лице Светланы Уваровой и Сергея Рясенко. Другим источником рождения этой книги стала активность участников «Лакановского семинара» в Музее Сновидений Фрейда. Ряд вопросов, возникших по ходу ее написания, обсуждался с философом Гар-рисом Рогоняном и переводчиком Лакана на русский язык Александром Черноглазовым. Основанием книги стали, разумеется, тексты Жака Лакана; а неоценимую помощь в разрешении ряда проблем оказали книги и статьи Элизабет Рудинеско, Жака Деррида, Алэна Дидье-Вайля, Славоя Жижека, Ренаты Салецл, Дани Нобуса, Сержио Бенвенуто, Джульет Митчелл…

В.М.

* * *

Научно-популярное издание
Мазин Виктор Аронович
ВВЕДЕНИЕ В ЛАКАНА
Книга издана в авторской редакции
Ответственный за выпуск Л.А. Шаповалов

Художник И.Ю. Разумов
Корректор Н.М.Борисова
Компьютерная верстка А. А. Барковская
Фонд научных исследований «Прагматика культуры»
125040, Москва, Ленинградский проспект, 5, стр. 2
Тел./факс: (095) 257 3354/73/76/82
E-mail: info@artpragmatica.ru
http://www.artpragmatica.ru
Формат 84x108/32. Бумага офсетная
Печать офсетная. Гарнитура Arial Narrow. Тираж 2000 Заказ № 9757
Отпечатано в ППП «Типография „Наука“»
121099, Москва, Шубинский пер.,6